

ISSN 2313-6936

Научный журнал

ВЕСТНИК

Издается с 2014 года

**3(9)
2016**

ВЛАДИМИРСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА ГРИГОРЬЕВИЧА
И НИКОЛАЯ ГРИГОРЬЕВИЧА СТОЛЕТОВЫХ

Серия «Юридические науки»

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

ПИ № ФС 77-58743 от 28 июля 2014 г.

Журнал входит в систему РИНЦ
(Российский индекс научного цитирования) на платформе elibrary.ru

Журнал является рецензируемым и подписным изданием

Подписной индекс Каталога российской прессы «ПОЧТА РОССИИ» – 73656

© ФГБОУ ВПО «Владимирский государственный
университет имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых», 2016

Технический редактор

С. В. Шумов

Автор перевода

Я. В. Зайчиков

Верстка оригинал-макета:

С. В. Шумов

*На 4-й полосе обложки
размещена фотография*

Е. Осиповой

*За точность
и добросовестность сведений,
изложенных в статьях,
ответственность
несут авторы*

*Адрес учредителя:
600000, г. Владимир,
ул. Горького, 87*

*Адрес редакции:
600005, г. Владимир,
ул. Студенческая, 8,
ауд. 203
Адрес электронной почты:
vestnikvlgu.pravo@mail.ru
тел.: +7 (4922) 47-76-01*

Подписано в печать 21.09.2016

*Формат 60×84/8
Усл. печ. л. 9,18
Тираж 1000 экз.
Заказ № 22/09*

*Отпечатано
в ООО «Издательство
"Шерлок-пресс"»
600001, г. Владимир,
ул. Студеная гора, 36а*

Редакционная коллегия серии

«Юридические науки»

<i>Р. Б. Головкин</i>	доктор юридических наук, профессор (главный редактор)
<i>М. В. Новиков</i>	кандидат юридических наук, доцент (зам. главного редактора)
<i>С. Ж. Айдарбаев</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>В. М. Баранов</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>В. В. Богатырёв</i>	доктор юридических наук, доцент
<i>А. А. Богустов</i>	кандидат юридических наук, доцент
<i>И. Д. Борисова</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>Н. А. Власенко</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>В. В. Груздев</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>О. В. Исаенкова</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>А. В. Кудрявцев</i>	доктор юридических наук, доцент
<i>Л. В. Лазарева</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>С. С. Новиков</i>	доктор исторических наук, доцент
<i>И. И. Олейник</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>М. Н. Раджабов</i>	кандидат юридических наук, доцент
<i>Т. А. Ткачук</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>О. Д. Третьякова</i>	доктор юридических наук, доцент
<i>Я. В. Зайчиков</i>	ответственный секретарь

ISSN 2313-6936

Academic journal

BULLETIN

Published since 2014

**3(9)
2016**

OF VLADIMIR STATE UNIVERSITY
NAMED AFTER ALEXANDER
AND NIKOLAY STOLETOVS

«Law science» edition

Founder Federal State-Funded Educational Institution
of Higher Education
«Vladimir State University
named after Alexander and Nikolay Stoletovs»

*The journal is registered by Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom,
Information Technologies and Mass Communication July 28, 2014.*

ПИ № ФС 77-58743

*The journal is included in RSCI system (Russian Science Citation Index)
powered by elibrary.ru*

The journal is peer-reviewed scientific subscription publication

Subscription Index of Russian press Catalogue «Russian post» – 73656

© Federal State-Funded Educational Institution
of Higher Professional Education «Vladimir
State University named after Alexander and
Nikolay Stoletovs», 2016.

Technical editor

S.V. Shumov

Translation:
Y.V. Zaychikov

Lead out of make-up page:
S.V. Shumov

The photo of E. Osipova
is on the 4th cover page

For the correctness
and work ethics
of the information stated
in the articles the authors
are responsible.

Founder address:
600000, Vladimir,
Gorkogo Str., 87

Editorial Office address:
600005, Vladimir,
Studencheskaya Str., 8, 203
e-mail:
vestnikvlgu.pravo@mail.ru
tel.: +7 (4922) 47-76-01

Signed for printing 21.09.2016

Format 60×84/8
Conventional printed sheet 9,18
Circulation 1000 copies
Order № 41/12

Printed by
OOO «Publishing company ”
Sherlok-press” »
600001, Vladimir,
Studionaya Gora Str., 36a

Editorial board

of «Law science» edition

- R.B. Golovkin** – Doctor of Law, professor
(Chief Editor)
- M.V. Novikov** – PhD (Law), associate professor
(Deputy Chief Editor)
- S. Zh. Ai`darbaev** – Doctor of Law, professor
- V.M. Baranov** – Doctor of Law, professor
- V.V. Bogatyrev** – Doctor of Law, associate professor
- A. A. Bogustov** – PhD (Law), associate professor
- I.D. Borisova** – Doctor of Law, professor
- N.A. Vlasenko** – Doctor of Law, professor
- V.V. Gruzdev** – Doctor of Law, professor
- O.V. Isaenkova** – Doctor of Law, professor
- A.V. Kudryavcev** – Doctor of Law, associate professor
- L.V. Lazareva** – Doctor of Law, professor
- S.S. Novikov** – Doctor of History,
associate professor
- I.I. Oleynik** – Doctor of Law, professor
- M.N. Radzhabov** – PhD (Law), associate professor
- T.A. Tkachuk** – Doctor of Law, professor
- O.D. Tretjakova** – Doctor of Law, associate professor
- Y.V. Zaychikov** – Executive Secretary

Содержание

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Р. Б. Головкин <i>Законы логики и интерполяция права</i>	7	R. B. Golovkin <i>The Laws of Logic and the Interpolation Right</i>
Ю. В. Овчинникова <i>Юридические субъекты академической свободы</i>	12	Yulia V. Ovchinnikova <i>Legal Subjects of Academic Freedom</i>
Ю. Ю. Ромазанова <i>Специфика выработки и исследования понятия «конституционно-правовой статус сотрудников органов внутренних дел»</i>	15	Yu. Yu. Romazanova <i>Specificity of Development and Research of the Concept of the Constitutional and Legal Status of Employees of Law Enforcement Bodies</i>
А. И. Филимонова, Д. А. Авдеев <i>Влияние стереотипов на правосознание молодежи (по результатам конкретно-социологического исследования студентов)</i>	19	A. I. Filimonova, D. A. Avdeev <i>Influence of Stereotypes on Young People's Conscience (According to the Results of a Concrete Sociological Study of Students)</i>
П. А. Якушев <i>Традиционные ценности и право: взаимодействие на примере семейных правоотношений</i>	26	P. A. Yakushev <i>Traditional Values and Law: Cooperation on the Example of Family Relationships</i>
Ж. Б. Иванова <i>Гражданско-правовая ответственность в виде компенсации ущерба, наносимого водным биологическим ресурсам и среде их обитания</i>	32	Zhanna B. Ivanova <i>Civil Responsibility in the Form of Compensation of the Damage Caused to Water Biological Resources and the Environment of Their Dwelling</i>
О. В. Кабанова <i>Проблемные аспекты в области временного пребывания, временного и постоянного проживания иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации</i>	39	O. V. Kabanova <i>Problematic Aspects in the Field of Temporary Stay, Temporary and Permanent Residence of Foreigners and Stateless Persons in the Russian Federation</i>

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОТРАСЛЕВОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

А. В. Кисляков, М. И. Удалов <i>Учет психических аномалий субъекта преступления в уголовном преследовании</i>	45	A. V. Kisliakof, M. I. Udalov <i>The Account of Mental Anomalies of the Subject of a Crime in Criminal Prosecution</i>
---	-----------	--

Н. Е. Павлова, Т. А. Фомина

*Процесс исчисления имущественных
налогов гражданам
с учетом изменений налогового
законодательства*

53

N. E. Pavlova, T. A. Fomina
*Process of Calculation
of Property Taxes to Citizens
with Regard to Changes
to Tax Legislation*

С. А. Пичугин, И. А. Тараканов

*Критерии исправления осужденных,
учитываемые при условно-досрочном
освобождении от отбывания
наказания*

56

S. A. Pichugin, I. A. Tarakanov
*The Criteria of Correction Condemned
Considered at Parole from Serving
a Sentence*

Н. В. Урлеков

*Юридическая природа провокации
преступления*

63

N. V. Urlekov
*The Legal Nature
of the Provocation Crimes*

Сведения об авторах

75

Information about the authors

**Правила оформления и
представления рукописей**

78

**Rules of Registration
and Submission of Manuscripts**

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

УДК 340

Р. Б. Головкин

ЗАКОНЫ ЛОГИКИ И ИНТЕРПОЛЯЦИЯ ПРАВА

Аннотация. Статья посвящена исследованию права, его действия и возможной интерполяции права в связи с законами логики.

Ключевые слова: право, интерполяция права, законы логики, закон тождества, закон противоречия, закон исключения третьего, закон достаточного основания.

R. B. Golovkin

THE LAWS OF LOGIC AND THE INTERPOLATION RIGHT

Abstract. The article is devoted to the study of law, his actions and the possible interpolation law in connection with the laws of logic.

Key words: law, the interpolation law, the laws of logic, the law of identity, law of contradiction, the law of exclusion of the third, the law of sufficient reason.

При исследовании государственно-правовых явлений, в том числе и явления юридической интерполяции, чрезвычайно важно опираться в научном анализе на четко верифицируемые факты, события и обстоятельства, но не менее важно, чтобы исследование учитывало законы логики.

Традиционно в науке выделяются четыре основных закона логики: закон тождества, закон противоречия, закон исключения третьего и закон достаточного основания. Данные законы обычно называют основными законами логики¹, и они проецируются на различные отрасли знания и используются в исследовательском аппарате любой, особенно гуманитарной, науки, в том числе и юриспруденции. Следова-

тельно, законы – логики это часть методологии, в том числе и методологии исследования и минимизации юридической интерполяции.

В качестве первого закона логики обычно в исследовательской литературе отмечают закон тождества, который был сформулирован еще Аристотелем. Суть данного закона заключается в том, что нельзя при рассмотрении явлений наделять одно явление несколькими значениями, так как данная ситуация приводит к утрате конкретного смысла обозначения явления, и в итоге получается, что у явления нет ни одного значения. В рамках данного закона Аристотель обосновывает необходимость привязки слова (термина) к конкретному значению (объему понятия), в противном случае адекватного общения не будет, так как используя одни и те же слова, собеседники могут вкладывать в них различный смысл, следовательно, теряется возможность

© Головкин Р. Б., 2016

¹ Основные законы логики. URL: http://www.k2x2.info/nauchnaja_literatura_prochee/kratkii_kurs_logiki_iskusstvo_pravilnogo_myshlenija/r6.php. (дата обращения: 07.09.2016).

адекватного взаимодействия людей. В реальности утрачивается и возможность построения сбалансированных мыслимых конструкций, «ибо невозможно ничего мыслить, если не мыслить (каждый раз) что-нибудь одно»¹. В данном случае можно резюмировать, что если суждение отражает множество объектов одновременно, при этом имеется в виду определенное явление, то фактически «размывается» конкретное значение объекта рассуждения (обо всем – значит ни о чем).

Применительно к праву и его интерполяции можно отметить некоторые обстоятельства в контексте обозначенного закона.

Во-первых, общеизвестен факт множественности и неоднозначности определений понятия права², данное многообразие смыслов приводит к потере понятия права.

Во-вторых, попытки различных определений права приводят на практике к проявлению только одной части его смысла – что это регулятор общественных отношений. Указанное обстоятельство приводит к смешению понятия данного явления с понятийным объемом других регуляторов.

В-третьих, отсутствие единообразного правопонимания затрудняет правовое регулирование, которое осуществляется через правосознание. В качестве ключевого звена правосознания обычно рассматривают знание о существующем, существовавшем и желаемом праве. Следовательно, расплывчатые знания о праве фактически образуют ситуацию незнания права, которая в конечном итоге влечет ин-

терполяцию права иными регуляторами, о которых имеются знания.

Таким образом, отсутствие единого правопонимания, множественность его трактовок приводят к нарушению логического закона тождества, что в свою очередь порождает интерполяцию права.

Закон противоречия (запрещения) у Аристотеля выражается в том, что одно и то же явление одновременно существовать и не существовать не может, также не может существовать одно и то же в одном смысле. Логический закон противоречия применительно к гуманитарным исследованиям и межличностному общению выглядит в виде лингво-смысловой конструкции, согласно которой «нельзя считать исследовательскую позицию верной, если в ее рамках одновременно отрицается и утверждается, что-либо»³. Применительно к праву это означает, что правовые нормы, регулирующие одно и то же общественное отношение не должны противоречить друг другу. Тем не менее в практике правового регулирования ситуация, когда разные правовые нормы при упорядочении общественных отношений могут противоречить, имеет достаточное распространение. Уже сам факт закрепления в Конституции Российской Федерации коллизионных норм (например, в ч. 6 ст. 76) проявляет имеющиеся нарушения логического закона противоречия. Кроме того, еще больше противоречий встречается при регулировании одних и тех же отношений правом и иными социальными нормами⁴.

³ Аристотель. Указ. соч. С. 63.

⁴ См. подробнее об этом, напр., Головкин Р. Б. Право в системе нормативного регулирования современного российского общества : монография. Владимир, 1999. 124 с.

¹ Аристотель. Метафизика. М., 2006. С. 64.

² Алексеев С. С. Теория права. М., 1995 ; Явич Л. С. Сущность права. М., 1985.

Следовательно, нарушение логического закона противоречия в правовом регулировании общественных отношений, также является одной из предпосылок интерполяции права.

Закон исключенного третьего в логике рассматривается в качестве дополнения закона противоречия. Как указывалось выше, закон противоречия (запрещения) не допускает возможность истинности двух суждений одновременно, при этом возможен вариант одновременной ложности этих сентенций. Однако противоречащие позиции, одновременно, ложными не могут быть. В данном случае закон противоречия не вполне достаточен и требует дополнения. В качестве данного дополнения в логике был сформулирован закон исключенного третьего. Сущность данного закона выражается в том, что разные (как правило, два) суждения об одном предмете, которые противоречат друг другу (в одно время и в одном и том же отношении), не могут быть одновременно истинными и не могут быть одновременно ложными (истинность одного из них обязательно означает ложность другого, и наоборот) .

Формальное выражение закона исключенного третьего выглядит следующим образом: «а или не а», где а – это какое-либо высказывание¹.

С учетом данного закона, применительно к исследованию интерполяции права, можно выстроить схему противоположных и противоречащих суждений по поводу действия права,

обосновывающих возможность юридической интерполяции.

Суждения: «нормы права всегда регулируют общественные отношения», «нормы права не регулируют общественные отношения», – выступают как противоположные. Суждения: «нормы права всегда регулируют общественные отношения», «нормы права не всегда регулируют общественные отношения», – являются противоречащими. Различие между противоположными и противоречащими суждениями по поводу права в изложенном варианте предполагают наличие определенного среднего (третьего варианта суждения). Среди высказываний: «нормы права всегда регулируют общественные отношения», «нормы права не регулируют общественные отношения», – средним вариантом выступает суждение: «нормы права регулируют определенный круг общественных отношений». В теории логики и в вышеизложенных вариантах суждений о праве противоречащие суждения, в отличие от противоположных, не допускают, а скорее, исключают возможность среднего варианта. Представляется весьма затруднительным поиск среднего варианта для суждений: «нормы права всегда регулируют общественные отношения», «нормы права не всегда регулируют общественные отношения» (ведь, как правило, и определенный круг отношений, и средний рост – это все не всегда).

В связи с этим, наличие среднего варианта суждения о праве приводит к тому, что противоположные суждения по этому вопросу могут быть ложными. Следовательно, суждение «нормы права регулируют определенный круг общественных отношений» является истинным, то противоположные

¹ Основные законы логики. URL: http://www.k2x2.info/nauchnaja_literatura_prochee/kratkii_kurs_logiki_iskusstvo_pravilnogo_myshlenija/p6.php (дата обращения: 29.09.2016).

суждения: «нормы права всегда регулируют общественные отношения», «нормы права не регулируют общественные отношения», – одновременно ложны.

В целом противоречащие суждения о действии права (в силу отсутствия третьего суждения) не могут быть одновременно ложными, и в этом их основное отличие от противоположных высказываний о праве и регулировании им общественных отношений. Подобие между противоположными и противоречащими суждениями о праве выражается в том, что они не могут быть одновременно истинными, как это подразумевает логический закон противоречия. Следовательно, данный закон распространяется и на противоположные, и на противоречащие суждения по поводу действия права. Кроме того, исключенным третьим вариантом суждения о регулировании правом общественных отношений может быть суждение об упорядочении отношений иными регуляторами поведения, что дополнительно обосновывает возможность подмены права иными средствами упорядочения поведения, т. е. его интерполяцию.

Логический **закон достаточного основания** постулирует, для того чтобы суждение и умозаключение по поводу чего-либо реально объективировались, они должны быть верифицируемыми (доказуемыми) с помощью каких-либо фактов, выступающих в качестве аргументов (оснований), подтверждающих рассматриваемое суждение или умозаключение.

Следовательно, мысль о том, что право регулирует общественные отношения (тезис), обязательно должна доказываться аргументами в виде ре-

альной и устойчивой реализации правовых норм, т. е. тезис о регулировании общественных отношений правом должен подкрепляться юридической практикой во всех случаях, иначе изначальный тезис неверен и должен звучать следующим образом: право в определенных случаях (как правило) регулирует некоторые общественные отношения. Обоснуем вышеприведенное умозаключение иллюстрациями. Например, в рассуждении «право регулирует определенный круг общественных отношений (тезис), так как оно является разновидностью социальных норм (основание) логический закон достаточного основания не нарушается. Этот пример иллюстрирует адекватную логическую парадигму из основания, что право – это разновидность социальных норм, из чего следует, что оно регулирует общественные отношения. А в рассуждении «право регулирует (всегда) общественные отношения (тезис), ведь оно является разновидностью социальных норм (основание) логический закон достаточного основания нарушен, тезис не вытекает из основания (из того, что право является разновидностью социальных норм, не вытекает, что все отношения регулируются правом, так как эти отношения могут регулироваться другими социальными нормами в принципе). Кроме того нарушается закон достаточного основания в ситуации, когда судья принимает решение по делу, мотивируя его исключительно правовыми нормами. Дело в том, что даже нормы предполагают, например, при назначении наказания какую-либо альтернативу или относительно-определенную санкцию, что автоматически означает, что правоприменитель руководствуется при вынесе-

нии решения не только правовыми, но и иными социальными нормами. Можно также сказать, что нарушается закон достаточного основания при признании виновным лица на основании его заявления о совершении противоправного деяния.

Следовательно, закон достаточного основания также может способствовать интерполяции права, особенно в процессе его реализации.

Данный логический закон, предопределяя требования к субъектам правоприменительной деятельности в виде необходимости обеспечения любого рассуждения доказательствами, устанавливает юридически значимые факты и обстоятельства. С учетом названных обстоятельств логический закон достаточного основания выступает определенным барьером и «лакмусовой бумажкой» для интерполяции права.

В целом на основании анализа законов логики применительно к праву можно отметить ряд существенных обстоятельств, характеризующих право и особенности его реализации и действия в целом.

Во-первых, при формировании и действии права законы логики достаточно часто нарушаются, что во многом подрывает стабильность правового регулирования.

Во-вторых, нарушение законов логики при построении и воплощении права в общественные отношения, помимо прочих проблем, обуславливает интерполяцию права.

В-третьих, рассмотрение права и его действия в преломлении законов логики позволяет минимизировать интерполяцию права и избежать ее в практическом правовом регулировании, а также использовать для усиления правового воздействия на общественные отношения.

Библиографический список

1. *Аристотель*. Метафизика / Аристотель. – М. : Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2006. – 232 с.
2. *Головкин Р. Б.* Право в системе нормативного регулирования современного российского общества : монография / Р. Б. Головкин. – Владимир : ВГПУ, 1999. – 124 с.
3. *Явич Л. С.* Сущность права. Социально-философское понимание генезиса, развития и функционирования юридической формы общественных отношений / Л. С. Явич. – М. : Изд-во Ленингр. ун-та. 1985. – 207 с.

References

1. *Aristotel'.* Metaphysics, M., Institut Filosofii, Teologii i Istorii sv. Fomy', 2006. 232 p.
2. *Golovkin R. B.* A Right is in the System of the Normative Adjusting of Modern Russian Society / Vladimir, VGPU, 1999. 124 p.
3. *Yavich L. S.* Essence of Right. Socially-philosophical Understanding of Genesis, Development and Functioning of Legal Form of Public Relations. M., Izdatel'stvo Leningradskogo Universiteta, 1985. 232 p.

Ю. В. Овчинникова

ЮРИДИЧЕСКИЕ СУБЪЕКТЫ АКАДЕМИЧЕСКОЙ СВОБОДЫ

Аннотация. В статье анализируется проблема определения субъектного состава носителей академической свободы, как одного из наиболее важных для сфер науки, образования и прав человека института.

Ключевые слова: академическая свобода, профессорско-преподавательский состав, научные работники и студенты вуза.

Yulia V. Ovchinnikova

LEGAL SUBJECTS OF ACADEMIC FREEDOM

Abstract. In article the problem of definition of subject structure of carriers of the academic freedom as one of the most important for spheres of science, education and human rights of institute is analyzed.

Key words: academic freedom, faculty, scientists and students of higher education institution.

Актуальность проблемы определения сущности, нормативного закрепления и реализации академических свобод обусловлена происходящим существенным реформированием системы образования, а также тем, что для российского общества это не традиционный институт и его роль и значение для пока не осознаны.

Прежде чем определять круг субъектов, которые могут обладать академическими свободами, следует сделать ряд оговорок, касающихся отграничения академических свобод от смежных явлений.

В частности, целесообразным кажется различать пусть тесно связанные, но все-таки различные понятия «институциональная автономия» и «академическая свобода». Институциональная автономия принадлежит образовательным организациям, подразумевает самоуправление, объем которого в большой степени зависит от государства. Академическая же свобода должна предоставляться ученым и

нередко ограничивается именно администрацией образовательной организации.

При нормативном закреплении академических свобод и в научной литературе понятию «академическая свобода», как правило, сопутствуют понятия «право на образование» для учащихся, и «свобода слова» для преподавателей. Полагаем, что указанные термины не идентичны. Право на образование и свобода слова являются всеобщими, т. е. принадлежат каждому человеку. Первое есть проявление социальной функции государства, второе – одно из обязательных условий существования демократии. Академические свободы предоставляются представителям интеллектуального сообщества прежде всего с целью обеспечить им возможность выполнять свою функцию для общества: не только транслировать уже накопленный опыт, но и осуществлять творческую, научную деятельность, которая является девиантной, новаторской и не должна строго регламентироваться и контролироваться. Таким

образом, академические свободы должны предоставляться только тем субъектам, для которых приобретение и производство новых знаний являются основным видом деятельности.

Кто же входит в состав «академического сообщества»? Большинство ученых включают в его состав преподавателей, научных сотрудников и студентов образовательных организаций высшего образования.

Так, определяя академическую свободу с философской позиции, В. С. Никольский в своем исследовании указывает, что ее носителями могут быть как личности, так и сообщества. При этом первоочередное право на академическую свободу он отдает сообществу, включающему в себя тех, кто непосредственно занят академической деятельностью: студентов всех уровней (слушателей, курсантов, бакалавров, магистрантов, аспирантов и т. д.) профессорско-преподавательский состав, ученых. Обращается внимание, что правом на академическую свободу не обладают лица, выполняющие вспомогательные функции по отношению к науке и образованию¹.

В. П. Штоколова, рассматривая академическую свободу с точки зрения педагогической науки, также относит к субъектам академической свободы профессорско-преподавательский состав, научных работников и студентов высших учебных заведений².

И. М. Сафин подчеркивает, что не смотря на то, что в Конституции

Российской Федерации свобода творчества и преподавания предоставляется каждому, «на практике академические свободы предоставляются не всем субъектам образовательных правоотношений, а только: а) научно-педагогическому персоналу высшего учебного заведения, включающему профессорско-преподавательский состав (декана факультета, заведующего кафедрой, профессора, доцента, старшего преподавателя, преподавателя, ассистента) и научных работников высшего учебного заведения; б) студентам высших учебных заведений»³.

При этом, если обратиться к законодательству, то российский закон об образовании⁴ в ст. 47 наделяет академическими правами и свободами всех педагогических работников, не привязывая наличие этих свобод к принадлежности к университету.

Следует констатировать тот факт, что далеко не все студенты и преподаватели университетов имеют в качестве основной цели деятельности производство новых знаний, занимаются творчеством и наукой. Можно ли в таком случае говорить о них, как о субъектах академической свободы?

Вместе с тем, обладают ли академической свободой студенты и преподаватели организаций среднего профессионального образования? Конечно, это только первый уровень профессионального образования с более стандартизированной образовательной программой, не требующий

¹ Никольский В. С. Философские основания академической свободы : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 2011. С. 11.

² Штоколова В. П. Академические свободы студентов в системе профессиональной подготовки : дис. ... канд. пед. наук. Майкоп, 2005. С. 3.

³ Сафин И. М. Международная трактовка термина «академическая свобода» // Совет ректоров. 2008. № 9. С. 28.

⁴ Об образовании в Российской Федерации : федер. закон от 29 дек. 2012 г. № 273-ФЗ // Рос. газ. 2012. 31 дек.

непрерывной научной деятельности преподавательского состава и научных изысканий от студентов. Однако преподаватели профессиональных образовательных организаций также должны иметь определенную степень усмотрения при формировании программ изучения учебных предметов, определении форм изложения материала, методов преподавания. Многие из них принимают участие в научных конференциях, профессиональных конкурсах, издают учебные пособия и т. д. Учащиеся, получающие среднее профессиональное образование, также должны иметь возможность выбора учебных предметов, тем для подготовки докладов, рефератов, написания выпускной квалификационной работы. Таким образом, к числу субъектов ака-

демической свободы можно относить преподавателей и студентов не только образовательных организаций высшего образования, но и профессиональных образовательных организаций в той мере, в которой они участвуют в научной и творческой деятельности.

Следует сделать вывод о том, что статус субъектов академической свободы нормативно не закреплён, а термин «академическое (интеллектуальное) сообщество», определяемое большинством ученых в качестве обладателя академической свободы, является достаточно условным и аморфным. Для дальнейшего внедрения принципа академической свободы в систему образования и науки необходимо произвести научные изыскания в данном направлении.

Библиографический список

1. Никольский В. С. Философские основания академической свободы : дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.11 / Никольский Владимир Святославович. – М., 2011. – 322 с.
2. Новиков М. В. Правоотношения в современном российском обществе: подходы к понятию и специфика методологии исследования / М. В. Новиков // Вестн. Владим. гос. ун-та им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. Серия: «Юридические науки». – 2016. – № 1 (7). – С. 59–64.
3. Сафин И. М. Международная трактовка термина «академическая свобода» / И. М. Сафин // Совет ректоров. – 2008. – № 9. – С. 27–30.
4. Штоколова В. П. Академические свободы студентов в системе профессиональной подготовки : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.08 / Штоколова Виктория Петровна. – Майкоп, 2005 – 191 с.

References

1. Nikol'sky V. S. Philosophical Bases of the Academic Freedom. Moscow, 2011. 322 p.
2. Novikov M. V. Legal Relations in Modern Russian Society: Approaches to the Concept and Specificity of the Methodology of Research. Vestnik Vladimirskogo Gosudarstvennogo Universiteta imeni Aleksandra Grigor'evicha and Nikolaja Grigor'evicha Stoletovy'kh. Seriya «Yuridicheskie Nauki». 2016. No. 1(7). P. 59–64.
3. Safin I. M. International Interpretation of the Term «academic freedom». Sovet Rektorov. – 2008. – No. 9. – P. 27–30.
4. Shtokolova V. P. The Academic Freedoms of Students in System of Vocational Training. Majkop, 2005 191 p.

Ю. Ю. Ромазанова

**СПЕЦИФИКА ВЫРАБОТКИ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПОНЯТИЯ
«КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ СТАТУС СОТРУДНИКОВ
ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ»**

***Аннотация.** В статье предпринята попытка анализа существующих в современной отечественной юриспруденции подходов к понятию и сущности конституционно-правового статуса сотрудников органов внутренних дел, а также изучению методологических оснований выработки и исследования рассматриваемого понятия.*

***Ключевые слова:** конституционно-правовой статус, юридическая методология, приемы познания.*

Yu. Yu. Romazanova

**SPECIFICITY OF DEVELOPMENT AND RESEARCH OF THE CONCEPT
OF THE CONSTITUTIONAL AND LEGAL STATUS OF EMPLOYEES
OF LAW ENFORCEMENT BODIES**

***Abstract.** The article attempts to analyze the approaches to the concept and essence of the constitutional and legal status of employees of law enforcement bodies existing in modern national jurisprudence, as well as to an analysis of the methodological foundations for the development and study of the concept under consideration.*

Key words: constitutional legal status, legal methodology, methods of cognition.

В теории познания принято выделять два вида познавательной деятельности человека: обыденное (донаучное) и научное познание¹. При этом донаучное знание основано на убежденности логики «здорового смысла» и «практического восприятия». Относительно научного познания мнения ученых менее однозначны. Одни авторы полагают, что познание – это мыслительный и логический процесс², другие – это практическая деятельность по собиранию

и исследованию фактов³, третьи – что познание – это единство практической и мыслительной деятельности. Исходя из выше сказанного, представляется достаточно логичным предположение о том, что совокупность действий субъектов познавательной деятельности, составляющих содержание познания, характеризует его как комплексный вид деятельности, направленный на установление необходимых фактов и уяснение их сущности. При этом, говоря о процессе познания, не следует умалять значение методов, используемых при осуществлении познания конкретных объектов, эффективности их выбора и профессиональности применения.

© Ромазанова Ю. Ю., 2016

¹ Ванеева Л. А. Судебное познание в советском гражданском процессе. Владивосток, 1972. С. 37.

² Старченко А. А. Логика в судебном исследовании. М., 1958. С. 19–20 ; Чельцов М. А. Советский уголовный процесс. М., 1951. С. 134.

³ Курьлев С. В. Основы теории доказывания в советском правосудии. Минск, 1969. С. 26–37.

Для более четкого понимания методологии познания конституционно-правового статуса сотрудников органов внутренних дел, который и является непосредственным предметом нашего интереса, установления его признаков и выработки соответствующей дефиниции, все же сначала кратко обратимся к анализу отдельных подходов к пониманию категории «метод». В наиболее широком смысле метод можно определить как способ подхода к познанию объективной реальности. В классической марксистско-ленинской философии метод – это способ познания, исследования явлений, способ решения задачи, «путь... действительного познания»¹. В философской науке существуют различные типологии научных методов, но более других распространены следующие. Методы научного познания подразделяются либо на специальные, общенаучные и универсальные; либо на всеобщие, общенаучные, частнонаучные и специальные; либо на философские и специальные². Применительно к познанию конституционно-правового статуса сотрудников органов внутренних дел высказанное означает, что исходной, принципиальной основой для изучения правовых категорий в целом и категориальной системы конституционного права служат выводы, сделанные с позиций базовых философских методов.

Каждая наука, постигая свой предмет в своеобразных понятиях, выступает как специфическая логика теории данного предмета, а следовательно, понятийно-категориальный ряд конституционного права представляет собой

не что иное, как теоретическое отражение диалектики правовой действительности и ее проявлений. Высокая степень развития конституционного права, богатство выражаемых им знаний означает одновременно развитость и богатство его понятийно-категориального аппарата, который позволяет углублять дальнейшее изучение общественной жизни. Понятийно-категориальный аппарат конституционного права является средством представления готовых знаний, выполняющим не только логическо-познавательную, но и мотивировочно-мировоззренческую функцию, дающим возможность логически верно анализировать и мыслить, что дает представление о значении категориального аппарата, его роли и месте в методологии конституционно-правовых исследований. Обращаясь непосредственно к анализу конституционно-правового статуса сотрудников органов внутренних дел необходимо, прежде всего, отметить, что данная категория, как и конституционно-правовой статус в целом, выступает составной частью правового статуса в общеправовом смысле и не может рассматриваться обособленно от него.

Правовую категорию «правовой статус» принято определять как «юридически закрепленное положение субъекта в обществе, которое выражается в определенном комплексе его прав и обязанностей»³, «систему признанных и гарантируемых государством (в законодательном порядке) прав, свобод и обязанностей, а также законных интересов»⁴ и т. д. Сказанное позволяет от-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. М., 1969. Т. 29. С. 80.

² Цанн-кай-си В. Ф. Философия как теоретическое мировоззрение. Владимир, 2001. С. 290.

³ Большой юридический словарь / под ред. А. В. Малько. – М., 2009.

⁴ Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. М., 2004.

нести к элементам правового статуса права, обязанности, механизм обеспечения (гарантии) и наличие возможности (правосубъектность) их реализации. Понимание собственно конституционно-правового статуса, безусловно, должно основываться на общетеоретической категории правовой статус, учитывая при этом отраслевую специфику. При этом отправными категориями в содержании понятия конституционно-правовой статус должны выступать права и обязанности. Как справедливо отмечает Л. Д. Воеводин; «Конституция России прежде всего обозначает правовой статус как права и свободы... между тем правовой статус личности в любом государстве, кроме прав и свобод, в своей структуре содержит также и обязанности, ибо регулировать поведение людей, а значит, фиксировать их место в обществе, не предусмотрев обязанности, нельзя»¹. Следовательно, конституционно-правовой статус применительно к проводимому исследованию мы предлагаем рассматривать как совокупность закрепленных нормами конституции прав и обязанностей субъектов правоотношений, а также гарантий их реализации.

При исследовании конституционно-правового статуса сотрудника органов внутренних дел мы считаем необходимым сначала обратиться к вопросу о содержании правового статуса сотрудника органов внутренних дел в общеправовом смысле, элементами которого принято считать способ замещения должности; требования, предъявляемые к сотруднику; права и обязанности сотрудника; ограничения и запреты, связанные со службой; режим служебного времени и организация службы; порядок прохожде-

ния службы; гарантии правовой защиты сотрудника; меры стимулирования служебной деятельности; характер ответственности сотрудника полиции², или функции деятельности данных лиц, совокупность прав и обязанностей, определяющих положение данных лиц во взаимодействии с обществом и государством; гарантии, ответственность, запреты и ограничения, закрепленные в Конституции Российской Федерации, Федеральных законах и других нормативных правовых актах³. Наряду с этим, немаловажное значение для нас имеет и вопрос определения собственно конституционно-правового статуса органов внутренних дел как элемента системы органов исполнительной власти. И здесь логичнее идти от общего к частному. Так как конституционно-правовой статус органа власти составляет совокупность его прав и обязанностей, характеризующая правовое положение органа в системе разделения ветвей власти, закрепленная нормами конституционного права, а важными элементами статуса органа государственной власти являются роль, задачи и функции органа; принципы его организации и деятельности; порядок формирования и прекращения полномочий органа; компетенция и государственно-властные полномочия; форма правовых актов органа и их юридическая сила, то, следовательно, ключевым элементом выступает компетенция органа

² Булавин С. П., Черников В. В. Правовой статус сотрудника полиции // Адм. право и процесс. 2011. № 9. С. 2–3.

³ Елфимова Е. В. Конституционно-правовые основы службы в органах внутренних дел как вида государственной службы: вопросы теории : автореф. дис. ... канд. юрид. наук, Челябинск, 2007. С. 8.

¹ Воеводин Л. Д. Юридический статус личности в России : учеб. пособие. М., 1997. С. 38, 62.

государственной власти¹. Вышесказанное дает нам основания рассматривать конституционно-правовой статус органов внутренних дел в самом общем виде как совокупность их прав и обязанностей, закрепленных в нормах федерального законодательства, детализирующие соответствующие положения Конституции Российской Федерации, а также предоставленные им полномочия по реализации, обеспечению, охране и защите Основного закона страны.

Следовательно, конституционно-правовой статус сотрудника органов внутренних дел будет включать в себя элементы как общеправового, так и специального статуса. В частности, в него будут входить гарантируемые конституцией личные, гражданские, политические, социально-экономические и иные права и свободы, корреспондирующие им конституционные обязанности и гарантии их реализации, основанные на принципах равноправия граждан, неотчуждаемости и непосредственного действия прав и свобод, гарантированности конституционных прав и свобод, их со-

ответствия международно-правовым актам, а также запрета на их незаконное ограничение. Наряду с этим конституционно-правовой статус сотрудника органов внутренних дел будет трансформироваться за счет его принадлежности к органу государственной власти, действующему от имени государства, обладающему собственным конституционно-правовым статусом и распространяющим на своих сотрудников принципы государственной службы.

Таким образом, применительно к проводимому исследованию конституционно-правовой статус сотрудника органов внутренних дел мы считаем возможным определить его как особый вид конституционно-правового статуса, охватывающий совокупность прав, свобод и обязанностей лица, состоящего на особом виде государственной службы – службе в органах внутренних дел, устанавливаемых в соответствии с Конституцией Российской Федерации и объединяющих его конституционные права, свободы и обязанности как гражданина Российской Федерации, предоставленные права и возложенные на него обязанности органа государственной власти, а также гарантии их реализации.

¹ Корешкова И. Н., Огнева И. А. Конституционно-правовой статус органов государственной власти в Российской Федерации // *Соврем. право*. 2005. № 3.

Библиографический список

1. Цан-кай-си Ф. В. *Философия как теоретическое мировоззрение* / Ф. В. Цан-кай-си. – 2-е изд., перераб. и доп. – Владимир : Транзит-Икс, 2001. – 441 с.
2. Воеводин Л. Д. *Юридический статус личности в России : учеб. пособие*. – М. : Изд-во МГУ : ИНФРА • М-NORMA, 1997. – 304 с.
3. Корешкова И. Н. Конституционно-правовой статус органов государственной власти в Российской Федерации / И. Н. Корешкова, И. А. Огнева // *Соврем. право*. – 2005. – № 3. – С. 20–24.

References

1. Cz-kaj-si F. V. *Philosophy as a Theoretical Outlook*. Vladimir, Tranzit-Iks, 2009. 441 p.
2. Voevodin L. D. *Legal Status of the Person in Russia*. M., Izdatel'stvo MGU, INFRA • M-NORMA, 1997. 304 p.
3. Koreshkova I. N., Ogneva I. A. *Constitutional and Legal Status of State Authorities in the Russian Federation*. *Sovremennoe Pravo*. 2005. No. 3. P. 20–24.

А. И. Филимонова, Д. А. Авдеев

**ВЛИЯНИЕ СТЕРЕОТИПОВ НА ПРАВОСОЗНАНИЕ МОЛОДЕЖИ
(по результатам конкретно-социологического
исследования студентов)**

Аннотация. Статья посвящена вопросам, связанным с установлением степени влияния правовых стереотипов на правосознание и правовое поведение молодых людей. С помощью конкретно-социологического исследования авторами выявлены наиболее распространенные стереотипы среди молодежи, проанализированы определения стереотипов в целом и правовых стереотипов, в частности.

Ключевые слова: стереотипы, правовые стереотипы, правосознание.

A. I. Filimonova, D. A. Avdeev

**INFLUENCE OF STEREOTYPES ON YOUNG PEOPLE'S CONSCRIPTION
(According to the Results of a Concrete Sociological Study of Students)**

Abstract. The article is devoted to questions connected with the establishment of the degree of influence of legal stereotypes on the legal awareness and legal behavior of young people. With the help of a concrete sociological study, the authors identified the most common stereotypes among young people, analyzed the definitions of stereotypes in general and legal stereotypes in particular.

Key words: stereotypes, legal stereotypes, legal conscience.

Проблема правовых стереотипов в учебной и научной литературе по теории права недостаточно разработана. Однако потребность в ее исследовании назрела, так как это явление распространено в социальной практике. Как известно, общественную жизнь упорядочивают несколько нормативных систем (право, мораль, религия и иные), а также ненормативные регуляторы. Особое место в системе социальных норм занимают правовые предписания как единственные общеобязательные правила, поддерживаемые возможностью государственного принуждения. Однако часто участники социальных отношений руководствуются не оригинальными правовыми нормами, а представлениями о праве, т.е. сложившимися о нем стереотипами. В том числе это вызвано развитием

информационных технологий, возрастанием социальных взаимосвязей, усложнением общественных отношений и, как следствие, активным нормотворчеством государственных органов по их урегулированию. Содержание нормы по пути от законодателя к адресату нередко искажается и в таком виде типизируется, становясь определенной устойчивой схемой, которая не всегда верна. Этими процессами и явлениями обусловлена актуальность работы.

Цель исследования – установить степень влияния правовых стереотипов на правосознание и правовое поведение молодых людей.

Задачи настоящей работы:

1) проанализировать некоторые определения стереотипов (и правовых стереотипов, в частности);

2) путем конкретно-социологического исследования выявить наиболее

распространенные стереотипы среди молодежи (в том числе зафиксированные в пословицах и поговорках);

3) определить глубину влияния стереотипов на правосознание и правовое поведение индивидов.

Используя прием дедукции, сначала рассмотрим общее понятие «стереотип», затем перейдем к анализу дефиниций понятия «правовой стереотип». В научный оборот термин «стереотип» ввел американский социолог Уолтер Липпман. Ученый писал, что мир слишком сложен, и человек не может знать всего, поэтому систематизирует информацию об окружающей среде в особые категории – элементы псевдосреды, называемые стереотипами¹. По существу, стереотипы представляют собой простые и емкие формулы, упрощающие наше понимание действительности. Стереотип, по мысли Липпмана, «накладывает свой отпечаток на фактические данные в момент восприятия»².

В современной науке существует множество определений понятия «стереотип». В Словаре терминов по теории социальной работы указывается, что стереотип – «упрощенное, стандартизированное представление (или образ) о социальном объекте (индивиде, группе, явлении или процессе), обладающее высокой устойчивостью, нередко эмоционально окрашенное»³. Некоторые

¹ Новиков М. В. Правоотношения в современном российском обществе: подходы к понятию и специфика методологии исследования // Вестн. Владим. гос. ун-та им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Серия «Юридические науки». 2016. № 1(7). С. 59.

² Липпман Уолтер. Общественное мнение / пер. с англ. Т. В. Барчуновой; ред. пер. К. А. Левинсон, К. В. Петренко. 2004. С. 111.

³ URL: <http://voluntary.ru/termin/socialnyistereotype.html#item-15048> (дата обращения: 04.03.2016).

источники приводят и причины появления стереотипов. В частности, отмечается, что стереотип есть «устойчивая совокупность представлений, складывающихся в сознании как на основе личного жизненного опыта людей, так и с помощью многообразных источников информации...»⁴. Можно констатировать отсутствие принципиальных расхождений в понимании стереотипов представителями разных наук. В целом отмечается, что стереотип – это некий упрощенный стандартизированный и эмоционально окрашенный образ социального объекта.

В научной литературе отмечается, что феномен стереотипности присущ любой деятельности, поэтому является объектом рассмотрения в дисциплинах различной научной направленности⁵. Отсюда следует, что данный процесс характерен и для деятельности людей в сфере права. Выбирая модель поведения в каждой конкретной жизненной ситуации, субъекты общественных отношений действуют сообразно сложившимся схемам (т.е. стереотипам). Кроме того, нельзя отрицать факт влияния стереотипов на законодателей и правоприменителей в процессе их работы, поскольку законотворчество и правоприменение – процессы субъективные (конституционно закреплена перечень субъектов законодательной инициативы; законодательно определен круг должностных лиц и государственных органов, уполномоченных реализовывать право, вынося

⁴ Социологический справочник. URL: <http://voluntary.ru/termin/socialnyistereotype.html#item-24911> (дата обращения: 04.03.2016).

⁵ Щекотихина И. Н. Стереотип: аспекты и перспективы исследования // Вестн. ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2008. № 5(19). С. 69–80.

индивидуально-конкретные предписания). Следовательно, в изданных законодательными и правореализующими органами актах в любом случае отражаются правовые воззрения, представления, убеждения и оценки лиц, их принявших. Именно поэтому можно констатировать большую распространенность и широкую значимость правовых стереотипов, что позволяет объединить их в отдельную группу.

Правовые стереотипы, как выше указывалось, – это малоизученное явление в отечественной правовой науке. Ряд ученых формулируют собственные определения данного понятия. Так, А. Р. Барахоева определяет стереотип в праве как «относительно стабильное представление о праве и правовых явлениях, основанное на сознательной и неосознанной частях правосознания, а также опыте правового поведения, и проявляющееся как в системе правовых предписаний, так и в правовых установках»¹. Существует и еще одно определение правовых стереотипов: «Правовой стереотип – это слабо связанный с жизненным опытом, но объективно необходимый исторически сложившийся вид фиксированных форм поведения, представляющий собой устойчивый эмоциональный образ предмета, явления или человека, автоматически срабатывающий на конкретную правовую ситуацию и являющийся неотъемлемым элементом групповой правовой психологии»².

Отметим, что стереотипы не всегда бывают неверными и иногда правиль-

¹ Барахоева А. Р. Стереотипы правовых установок : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2010. С. 10.

² Ханчаев С. Т. Феномен правовых стереотипов phenomenon of legal stereotypes // Ленингр. юрид. журн. 2008. № 2. С. 209–216.

но отражают действительность. Тем не менее нужно помнить, что мышление стереотипами приводит к упрощению представлений о социальной жизни, когда частные (порой незначительные) черты и признаки гиперболизируются до такой степени, что олицетворяют собой весь объект. Однако правовые явления надо рассматривать как сложные объекты со всех сторон и во всем их многообразии, иначе велик риск неверной интерпретации их истинного содержания.

Стереотипные представления входят в структуру правосознания. Оно в свою очередь находит свое практическое воплощение в правовом поведении. Следовательно, на него тоже влияют стереотипы. Для того чтобы установить глубину этого воздействия, нами было проведено конкретно-социологическое исследование. Выбранная форма – анкетирование, респондентам были предложены закрытые и полужакрытые вопросы. Опрос проводится в феврале 2016 г. в исследовании приняли участие 82 студента Юридического института ВлГУ (50 студентов-юристов и 32 студента неюридических специальностей).

В гипотезу легло предположение о том, что мышление стереотипами распространено в современном обществе, они оказывают сильное влияние на правовое поведение, нередко подменяя правовые предписания. Опросные листы содержали семь вопросов, два из которых подразумевали множественный выбор, именно потому в некоторых ответах суммарное количество превышает максимальные 100 %. Ниже прокомментируем некоторые результаты эмпирического исследования.

Содержательная часть анкеты состояла из пяти вопросов. Первый нацелен на выяснение источников получения правовой информации. В ка-

честве исходной посылки было взято утверждение, что они выступают одним из детерминантов стереотипизации. Первоисточники формируют правильные (положительные) стереотипы, верно опосредующие реальность, тогда как информация из вторичных источников (особенно СМИ) бывает чересчур экспрессивной и эмоционально окрашенной, что формирует негативные, неверные представления.

Выяснилось, что большинство будущих юристов и студентов иных направлений черпают правовую информацию (конкретно «информацию о введении в действие правовых актов») из интернет-сайтов (юристы – 76 %, неюристы – 90,6 %). Из иных СМИ информацию получают 43,7 % представителей неюридических специальностей и 28 % будущих правоведов. Три четверти (76 %) студентов-юристов и менее половины (40,6 %) обучающихся на иных направлениях используют для получения актуальных сведений СПС «КонсультантПлюс» и «Гарант». В процессе общения с коллегами, друзьями и близкими правовую информацию узнают больше половины (53,1 %) студентов неюридических направлений и чуть больше четверти (26 %) будущих бакалавров-юристов. Информацию из официальных источников опубликования нормативных правовых актов (например, «Российская газета») получают меньшинство опрошенных (юристы – 14 % против 12,5 % остальных опрошенных). Кроме того, у респондентов была возможность самостоятельно указать источник получения информации, который не указан в предложенном перечне. Так, в анкетах юристов мы встретили вариант «из учебных пособий».

Можно заключить, что большинство опрошенных получают информацию

из вторичных источников. Следующие вопросы были нацелены на то, чтобы выяснить, как это влияет на их представления о праве.

На вопрос, можно ли считать, что требования законов бывают несправедливыми, утвердительно ответили 14 % студентов-юристов и 15,6 % остальных респондентов. Первый по популярности ответ – «случается» – выбрали свыше 60 % опрошенных (64 % юристов и 62,5 % других студентов). Пятая часть опрошенных не сталкивалась с несоответствием между правом и справедливостью (22 % и 21,9 % соответственно).

Следующий вопрос непосредственно был направлен на определение значения стереотипов в социально значимом поведении студентов. В обеих группах свыше половины студентов (60 % юристов и 56,25 % остальных опрошенных) отметили, что иногда они руководствуются сложившимся стереотипом. Некоторое число респондентов (12 % студентов-юристов и 9,38 % студентов иных направлений) указали, что делают это довольно часто. Примерно четверть юристов (26 %) и почти треть опрошенных во второй группе (31,25 %) отметили, что редко за собой замечают подобное. Лишь 2 % юристов и примерно 3,12 % выбрали вариант «никогда не замечал».

Что позволяет будущим юристам чаще опираться на устойчивые схемы поведения? Этот факт можно объяснить тем, что у них в силу получаемого образования выработан более правильный стереотип юридически значимого поведения, основанный, как видно по ответам на первый вопрос, на сведениях, получаемых из официальных источников информации и справочно-правовых систем.

Правовые стереотипы (как и стереотипы вообще) фиксируются и сохраняются в народной памяти в виде памятников устного народного творчества, в том числе в качестве пословиц и поговорок. Исходя из этого следующий вопрос предполагал множественный выбор (ограничен пятью вариантами) малых фольклорных форм с целью установить отношение респондентов к действующему праву. Для удобства группу опрошенных юристов будем именовать «группа № 1», студентов прочих специальностей – «группа № 2».

С содержанием пословицы *«закон что дышло, куда повернешь, туда и вышло»* согласны 18 % опрошенных группы № 1 и 15,63 % от всех опрошенных группы № 2. Вариант *«сперва рассуди, а потом осуди»* выбрали достаточно большое число респондентов в обеих группах (группа № 1 – 60 %, группа № 2 – 56,25 %). Пословицу *«каков грех, такова и расплата»*, означающую необходимость соразмерной правонарушению ответственности, как верную отметили 36 % юристов и 40,63 % остальных опрошенных. Вариант *«закон не убедителен, если не может наказать»* отметили 28 % опрошенных в группе № 1 и 15,63 % в группе № 2. Утверждение *«не знаешь, как поступить – поступай по закону»* выбрали 48 % юристов и 46,88 % опрошенных в группе № 2.

28 % юристов и 15,63 % студентов других специальностей считают верной пословицу *«кто сильнее, тот и правее»*. *«Неведением закона нельзя оправдываться»* – в этом убеждены 48 % участников группы № 1 и 43,75% членов группы № 2. Немногом меньше трети представителей группы № 1 (30 %) и пятая часть (21,88 %) участников группы № 2 согласны с тем, что *«хорошие законы приводят к социальной справедливости»*. Более половины

участников обеих групп (66 % будущих юристов и 53,13% студентов неюридических направлений подготовки) считают, что *«закон переступить нельзя, а обойти можно»*. Менее десятой части опрошенных в обеих группах (группа № 1 – 8 % и группа № 2 – 9,38 %) считают истинным утверждение *«закон не глядит на поклон»*.

Результаты опроса в этой части свидетельствуют о двух противоположных тенденциях. С одной стороны, можно говорить о существовании нигилистических правовых представлений (так, отмечается существование возможности обойти закон). С другой стороны, закон выступает определенным эталонным поведением (молодые люди считают, что в спорных жизненных ситуациях необходимо поступать в соответствии с правовыми предписаниями).

Интересно отметить, что многие из представленных пословиц и поговорок так или иначе нашли свое закрепление в действующем законодательстве в виде общеправовых и отраслевых принципов.

Соотнесем: *«закон не глядит на поклон»* – *«все равны перед законом и судом»* (ст. 19 Конституции РФ); *«сперва рассуди, а потом осуди»* (о необходимости назначения наказания только за виновно совершенные деяния, причем вина должна быть установлена судом) нашел свое отражение в уголовном праве как *принцип вины* (о недопущении объективного вменения – ст. 5 УК РФ), а также в таком общеправовом принципе, как презумпция невиновности. Это свидетельствует о том, что нередко стереотипы о праве, представления о сущем и должном правовом регулировании отражаются в нормативных предписаниях.

Последний вопрос анкеты подразумевал выбор респондентами утверждений, верных с их точки зрения. Далее

представим результаты и прокомментируем некоторые из них.

Первая группа утверждений (3 из 6) связана с распространенными заблуждениями о правовом регулировании.

Несовершеннолетний не несет ответственности за совершение преступления. Истинным это неверное с точки зрения права суждение считают небольшое число опрошенных – всего 4 % из числа студентов-юристов и 9,38 % всех опрошенных студентов неюридических специальностей.

Состояние аффекта освобождает от уголовной ответственности. Стереотип, сложившийся в том числе под влиянием СМИ, считают верным 14 % юристов и 6,25 % представителей иных специальностей. Налицо подмена этими респондентами понятий «невменяемость» и «аффект».

При разводе дети обязательно остаются с матерью. Это утверждение, отчасти сформированное судебной практикой разрешения подобных дел, считают истинным 8 % опрошенных студентов-юристов и 15,63 % представителей неюридических специальностей.

Следующая группа утверждений связана с деятельностью судебных органов и особенностей российской правовой системы.

Суды часто принимают сторону обвинения. Речь идет о так называемой презумпции вины, на наличие которой указывал Президент РФ в своем Послании Федеральному Собранию еще в 2014 г. («По-прежнему доминирует обвинительный уклон»¹). Это утверждение соответствует представлениям 44 % студентов-юристов и 46,88 % остальных опрошенных.

¹ Рос. газ. 2014. 5 дек.

Чем суровее закон, тем меньше совершается преступлений. С истинностью этого утверждения согласиться трудно. Отмечается, что сила закона – в его правовом характере и реальности, обеспеченности его действия, неотвратимости юридической ответственности, а не в жесткости². Тем не менее данное утверждение считают истинным 48 % будущих юристов и 40,63 % обучающихся по другим направлениям подготовки.

Зарубежное законодательство лучше (прогрессивнее, эффективнее, демократичнее), чем отечественное. Эту позицию разделяют 30 % первокурсников-юристов и почти столько же (28,13 %) иных опрошенных. Действительно, такое мнение распространено, однако нужно помнить, что право – явление культуры, которое обусловлено социально-экономическими, политическими, идеологическими факторами. Они, в свою очередь, уникальны для каждого государства. Все государства в определенный момент времени сталкиваются с проблемами в правовом регулировании, о которых свидетельствуют и материалы судебной практики³, а следовательно, не нужно идеализировать и считать каноническим правовой опыт других стран. Безусловно, нельзя отрицать существование более прогрессивных институтов, но, как было указано, нельзя по частным явлениям судить обо всем объекте.

Таким образом, гипотеза в целом подтвердилась, правовые стереотипы

² Общая теория государства и права. В 3 т. Т. 2. Право / М. Н. Марченко [и др.] ; Отв. ред. М. Н. Марченко. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2013. С. 443.

³ *Мамай Е. А.* К вопросу об использовании опыта зарубежных стран в совершенствовании качества отечественного законодательства // Юрид. наука и практика. 2013. № 22. С. 220–222.

действительно серьезно влияют на правосознание студентов.

По результатам исследования можно сделать ряд заключений. Во-первых, правовые стереотипы – распространенное в общественной практике явление.

Во-вторых, на формирование правовых стереотипов влияет множество факторов, среди которых особое место занимают СМИ, не всегда верно интерпретирующие оригинальную информацию.

В-третьих, некоторые стереотипы, представленные в форме пословиц и поговорок и отражающие знания

о прогрессивном праве, закреплены в действующем законодательстве в качестве принципов. Возможен, на наш взгляд, и обратный процесс, когда официальные нормы опосредуются полыми и поговорками и таким образом сохраняются в общественном сознании.

В-четвертых, считаем перспективным дальнейшее исследование проблематики правовых стереотипов, поскольку это позволит глубже изучить смежные и связанные юридические явления, как то: правосознание, правовое поведение, правонарушение, правовая культура и др.

Библиографический список

1. *Барахоева А. Р.* Стереотипы правовых установок : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Барахоева Алла Руслановна. – Н. Новгород, 2010. – 179 с.
2. *Липпман Уолтер.* Общественное мнение / пер. с англ. Т. В. Барчуновой ; ред. пер. К. А. Левинсон, К. В. Петренко. – М. : Ин-т Фонда «Общественное мнение», 2004. – 384 с.
3. *Мамай Е. А.* К вопросу об использовании опыта зарубежных стран в совершенствовании качества отечественного законодательства / Е. А. Мамай // Юрид. наука и практика. – 2013. – № 22. – С. 220–222.
4. *Общая теория государства и права.* В 3 т. Т. 2. Право / М. Н. Марченко [и др.] ; отв. ред. М. Н. Марченко. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма : НИЦ ИНФРА-М, 2013. – 816 с.
5. *Хапчаев С. Т.* Феномен правовых стереотипов phenomenon of legal stereotypes / С. Т. Хапчаев // Ленингр. юрид. журн. – 2008. – № 2. – С. 209–216.
6. *Щекотихина И. Н.* Стереотип: аспекты и перспективы исследования / И. Н. Щекотихина // Вестн. ЛГУ им. А. С. Пушкина. – 2008. – № 5(19). – С. 69–80.

Bibliographic list

1. *Barakhoyeva A. R.* Stereotypes of Legal Attitudes. Nizhnij Novgorod, 2010. – 179 p.
2. *Lippman Walter.* Public Opinion. Transl. from English T. V. Barchunova. Transl. ed. K. A. Levinson, K. V. Petrenko. M., Institut Fonda «Obshestvennoe Mnenie». 2004. 384 p.
3. *Mamaj E. A.* On the Use of the Experience of Foreign Countries in Improving the Quality of Domestic Legislation // Vestnik Nizhegorodskoj Akademii. 2013. No. 22. P. 220–222.
4. *Marchenko M. N., Baburin S. N. et al.* General Theory of State and Law. In 3 vol., Vol. 2. Law. Ed. by M. N. Marchenko. 4 th ed., rev. and enl. M., Norma; INFRA-M, 2013. 816 p.
5. *Khapchaev S. T.* Phenomenon of Legal Stereotypes Phenomenon of Legal Stereotypes. Leningradskij Yuridicheskij Zhurnal. 2008. No. 2. P. 209–216.
6. *Shhekotikhina I. N.* Stereotype: Aaspects and Prospects of Research. Vestnik LGU imeni A. S. Pushkina. 2008. No. 5(19). P. 69–80.

П. А. Якушев

**ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ И ПРАВО:
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НА ПРИМЕРЕ СЕМЕЙНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ**

Аннотация. В статье анализируются признаки традиционных ценностей, обосновывается роль традиционных ценностей в регулировании поведения людей. Автор рассматривает формы взаимосвязи традиционных ценностей и права при регулировании общественных отношений на примере семейных отношений и делает вывод о том, что только право, основанное на традиционных ценностях, становится «самоочевидным» для личности.

Ключевые слова: традиционные ценности, правовое регулирование, социальное регулирование, семейные правоотношения, осуществление и защита семейных прав.

P. A. Yakushev

**TRADITIONAL VALUES AND LAW:
COOPERATION ON THE EXAMPLE OF FAMILY RELATIONSHIPS**

Abstract. The article analyzes the characteristics of traditional values, substantiates the role of traditional values in regulation of human behavior. The author considers the forms of the relationship of traditional values and law in the regulation of social relations on the example of family relations. It is concluded that only the law based on traditional values becomes «self-evident» to the individual.

Key words: traditional values, legal regulation, social regulation, family relations, exercise and protection of family rights.

Поддержка, сохранение и защита традиционных ценностей во всех сферах общественной жизни являются необходимым условием, с одной стороны, обеспечения устойчивости и стабильности общества, с другой – его динамичного развития.

Коллективизм, соборность, приоритет общего над частным как традиционные ценности российского общества на протяжении веков противостояли западным ценностям индивидуализма и приоритета личных интересов над общими. После распада Советского Союза в России нередко происходило слепое копирование западных цивилизационных ценностей, часть из которых органически чужды самосознанию российского человека. При этом сами западные традиционные ценно-

сти оказались под ударом чуждых для Европы образцов поведения и культуры мигрантов из Северной Африки и Ближнего Востока, не желающих ассимилироваться с местным населением и агрессивно насаждающих свои культурные образцы. В результате сама национально-культурная идентичность стран Запада сейчас находится под угрозой.

Сохранение национальной, культурной, духовной, религиозной идентичности возможно только с опорой на традиционные ценности.

Президент Российской Федерации неоднократно обращал внимание на особую важность традиционных ценностей для общественного развития. Так, в Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 12 декабря 2012 г. была поставлена

задача всецело поддержать институты, которые являются носителями традиционных ценностей, исторически доказали свою способность передавать их из поколения в поколение. Президент отметил, что закон может защищать нравственность и должен это делать, но нельзя законом установить нравственность. Попытки государства вторгаться в сферу убеждений и взглядов людей – проявление тоталитаризма. Необходимо действовать не путем запретов и ограничений, а укреплять прочную духовно-нравственную основу общества¹.

Анализ научных работ, посвященных вопросам традиционных ценностей, позволяет выделить три основных подхода к определению этого понятия².

Некоторые исследователи традиционные ценности определяют как консервативные ценности, идеологически ориентированные на сохранение традиционных порядков и доктрин.

Второй подход к определению понятия традиционных ценностей состоит в том, что под ними понимаются ценности религиозные, поскольку религиозные нормы и догмы в ряде случаев играют основную роль в сохранении и укреплении всей системы ценностей.

Третий подход к традиционным ценностям сводится к тому, что это ценности национальные, этнические (как духовные идеалы и поведенческие традиции народов, так и внешние этнические проявления в одежде, праздниках, обрядах и т. д.).

¹ Рос. газ. 2012. 13 дек. С. 3.

² Дежнёв В. Н., Новикова О. В. Традиционные ценности: к определению понятия // Вестн. Шадр. гос. пед. ун-та. 2015. № 4(28). С. 27–29.

Полагаем, что традиционные ценности нельзя ограничивать ни консервативными, ни к религиозными, ни национальными (этническими) традициями.

Для определения понятия традиционных ценностей гносеологически необходимо ответить на вопросы, что такое традиция и что такое ценность. После этого возможно выделение признаков традиционных ценностей, обособливающих их среди всего массива традиций.

Под традицией (от лат. *traditio* передача, придание) понимается универсальная форма фиксации, закрепления и избирательного сохранения определенных элементов социокультурного опыта, необходимого для нормального функционирования социума, а также механизм передачи этого опыта, обеспечивающий устойчивую историко-генетическую преемственность в социокультурных процессах³.

Для того чтобы социокультурный опыт стал традицией, он должен быть устойчивым, определенным и массово воспроизводиться в деятельности. Кроме того, элементы традиций имеют символическое содержание и связаны с теми или иными смыслами и архетипами. Именно наличие смысловых компонентов отличает традиции от обычаев как массово и постоянно воспроизводимых форм поведения.

Правильность традиционных форм поведения обосновывается самим фактом существования их в прошлом, а эффективность традиций оценивается посредством определения степени точности следования традиционному образцу.

³ Новейший философский словарь. 2-е изд., перераб. и доп. Минск, 2001. С. 1047.

В качестве вида традиций выделяют негативные традиции, которые основаны на отрицании неприемлемых для данной социокультурной общности форм поведения, явлений. Негативные традиции реализуются через запреты (табу) и конструируются на основе образца того, как не следует поступать и на что нельзя ориентироваться. При этом негативные традиции «невольно» закрепляют те смыслы и значения, с которыми борются. Так, атеистическая борьба с религией способствовала сохранению религиозных идей.

Традиции, являясь генетически первичной формой упорядочивания и структурирования социокультурного опыта, выступают основой для возникновения социокультурных норм.

В философии под ценностью понимается сложившаяся в условиях цивилизации и поддерживаемая людьми форма их отношения к общезначимым образцам культуры, от осознания и принятия которых зависит способность каждого индивида моделировать поведение: оценивать настоящее, проектировать будущее и сохранять в памяти прошлое¹.

Проанализировав имеющиеся в правовой науке подходы к определению понятия правовой ценности, И. Д. Мишина² выделяет следующие понимания ценности:

– убеждение, представление, интерес субъекта (Ю. А. Демидов);

– предмет, материальное или идеальное явление, обладающее способ-

¹ Елисеев С. Г., Чертков А. Н. Свобода, равенство и справедливость в системе правовых ценностей // Законодательство и экономика. 2014. № 11. С. 72–80.

² Мишина И. Д. Нравственные ценности в праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург. 1999. С. 13.

ностью удовлетворять потребность (В. Н. Кудрявцев, Ф. Н. Фаткуллин, А. Ф. Черданцев, Л. Л. Чулюкин);

– функционирование предмета в качестве средства удовлетворения потребности, т.е. его действительная значимость (Н. Неновски, П. М. Рабинович);

– потенциальная функция, способность (В. М. Баранов, И. Л. Петрухин);

– явления реальности, порождаемые вследствие взаимодействия особых свойств предметов объективного мира и направленных на них интересов и потребностей субъекта (Л. С. Мамут).

Полагаем, что традиционные ценности – это явления, формы фиксации закрепления и избирательного сохранения определенных элементов социокультурного опыта, а также способы его передачи, обладающие следующими признаками, выделяющими их из всех традиций: 1) фиксируют главное, системообразующее, базовое в общественных отношениях; 2) составляют ядро мировоззрения; 3) способны удовлетворять потребности и интересы; 4) являются значимыми и необходимыми для существования социокультурной общности; 5) имеют объяснимый смысл и значение; 6) носят абсолютный и универсальный характер; 7) отличаются неситуативностью; 8) интуитивное добровольное следование им членов социокультурной общности и, как следствие, их естественная побудительность; 9) обеспечивают самоидентификацию личности, социума, цивилизации среди других личностей, социумов и цивилизаций.

Традиционные ценности формируются под влиянием социально-исторических и экономических причин, религии, культуры, обычаев, норм мо-

рали и нравственности, идеологии и др. Они имеют мощнейший регулятивный потенциал, что, безусловно, должно учитываться в процессе правотворчества.

Право, основанное на традиционных ценностях, становится «духовной самоочевидностью для отдельного индивида»¹.

Напротив, «вымывание» из правовой системы традиционных ценностей приводит к отчуждению индивида от права.

Некоторые традиционные ценности могут влиять на формирование правовых норм, закрепляться в принципах и нормах законодательства.

Так, в ст. 1 Семейного кодекса Российской Федерации установлено, что семейное законодательство исходит из необходимости построения семейных отношений на чувствах взаимной любви и уважения, взаимопомощи и ответственности перед семьей всех ее членов. Регулирование семейных отношений осуществляется в соответствии с принципами добровольности брачного союза мужчины и женщины, равенства прав супругов в семье, разрешения внутрисемейных вопросов по взаимному согласию, приоритета семейного воспитания детей, заботы об их благосостоянии и развитии, обеспечения приоритетной защиты прав и интересов несовершеннолетних и нетрудоспособных членов семьи. Приведенные принципы воплощают в себе традиционные семейные ценности российского общества.

Например, п. 4 ст. 124 Семейного кодекса Болгарии устанавливает, что дети должны уважать своих родителей, бабушку и дедушку и помогать им.

¹ Ильин И. О сущности правосознания. М., 1993. С. 35.

На традиционные ценности также могут содержаться ссылки в правовых нормах, либо традиционные ценности непосредственно как неправовые социальные регуляторы воздействуют на семейные отношения, усиливая действие правовых норм либо, наоборот, вступают в противоречие с правовыми предписаниями.

Например, нормы семейного законодательства России не обязывают хранить супружескую верность, не устанавливают ответственность за супружескую измену. Однако подавляющая часть населения придерживается в своем поведении супружеской верности как традиционной семейной ценности. При этом с помощью указанной традиционной ценности усиливается действие такого основного начала семейного права, как построение семейных отношений на чувствах взаимной любви и уважения.

Иногда традиционные семейные ценности блокируют действие правовых норм, явно им противоречащих. Так, в 1918 г. был принят декрет Саратовского губернского Совета народных комиссаров «Об отмене частного владения женщинами»², согласно которому существовавший ранее законный брак признавался продуктом буржуазного социального неравенства и отменялось «право постоянного владения» женщинами в возрасте от 17 до 30 лет. За бывшими мужьями сохранялось право на внеочередное пользование своей бывшей женой. Все женщины объявлялись достоянием всего трудового народа. Мужчины имели право пользоваться женщиной не чаще четырех раз в неделю и не более трех часов.

² Архив УФСБ Орловской обл. Дело № 15554-П.

Рождаемые младенцы по истечении месяца отдавались в приют, где должны были воспитываться и получать образование.

Отрадно, что традиционные семейные ценности не позволили указанному декрету реализоваться.

В некоторых странах легализованы однополые союзы¹, таким «супругам» разрешено усыновление детей².

Конституционный Суд Российской Федерации в определении от 16 ноября 2006 г. № 496-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Э. Мурзина на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 12 Семейного кодекса Российской Федерации» указал следующее: поскольку Конституция Российской Федерации и международные правовые акты исходят из того, что главное предназначение семьи – рождение и воспитание детей, и национальные традиции рассматривают брак исключительно как биологический союз мужчины и женщины, постольку федеральный законодатель к условиям заключения брака отнес взаимное добровольное согласие мужчины и женщины, а это не может

¹ Гражданское и торговое право зарубежных государств / под ред. Е. А. Васильева, А. С. Комарова. М., 2005. Т. 2. С. 521–525.

² Ильина О. Ю. Брак как форма государственного признания отношений между мужчиной и женщиной // Семейн. и жилищ. право. 2006. № 4. С. 30–35.

рассматриваться как нарушение конституционных прав и свобод³.

Ни из Конституции Российской Федерации, ни из международно-правовых обязательств Российской Федерации не вытекает обязанность государства по созданию условий для пропаганды, поддержки и признания союзов лиц одного пола, при этом отсутствие такой регистрации не влияет на уровень признания и гарантий в России прав и свобод человека и гражданина.

Таким образом, поскольку право является не единственным регулятором общественных отношений и эффективность его регулятивного эффекта зависит от соотношения с другими регулятивными системами, постольку законодатель должен предвидеть, как будет складываться взаимодействие права с иными регуляторами, прежде всего традиционными ценностями. В ряде случаев праву принадлежит роль приоритетного социального регулятора, особенно в сферах, не урегулированных другими социальными нормами. Однако во многих ситуациях право должно поддерживать действие традиционных ценностей, охранять то, что фактически достигнуто, интуитивно и добровольно соблюдается обществом и индивидами.

³ Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

Библиографический список

1. Дежнёв В. Н. Традиционные ценности: к определению понятия / В. Н. Дежнёв, О. В. Новикова // Вестн. Шадр. гос. пед. ун-та. – 2015. – № 4 (28). – С. 27–29.
2. Елисеев С. Г. Свобода, равенство и справедливость в системе правовых ценностей / С. Г. Елисеев, А. Н. Чертков/ Законодательство и экономика. – 2014. – № 11. – С. 72–80.
3. Ильина О. Ю. Брак как форма государственного признания отношений между мужчиной и женщиной / О. Ю. Ильина, // Семейн. и жилищ. право. – 2006. – № 4. – С. 30–35.
4. Мальцев Г. В. Социальные основания права / Г. В. Мальцев. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2011. – 800 с.
5. Мишина И. Д. Нравственные ценности в праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Мишина Ирина Дмитриевна. – Екатеринбург, 1999. – 27 с.

References

1. Dezhnyov V. N., Novikova O. V. Traditional Values: to the Definition of the Concept. *Vestnik Shadrinskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta*. 2015. No. 4(28). P. 27–29.
2. Eliseev S. G., Chertkov A. N. Freedom, Equality and Justice in the System of Legal Values. *Zakonodatel'stvo i Ekonomika*. 2014. No. 11. P. 72–80.
3. Il'ina O. Y. Marriage as a Form of Public Recognition of the Relationship between a Man and a Woman. *Semejnoe i Zhilishnoe Pravo*. 2006. No. 4. P. 30–35.
4. Mal'cev G. V. Social Foundations of Law. M., Norma; INFRA-M, 2011. 800 p.
5. Mishina I. D. Moral Values in Law. Ekaterinburg, 1999. 27 p.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОТРАСЛЕВОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

УДК 347.42

Ж. Б. Иванова

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В ВИДЕ КОМПЕНСАЦИИ УЩЕРБА, НАНОСИМОГО ВОДНЫМ БИОЛОГИЧЕСКИМ РЕСУРСАМ И СРЕДЕ ИХ ОБИТАНИЯ

Аннотация. В статье подробно проанализировано законодательство, касающееся возмещения материального вреда, причиняемого водным биологическим ресурсам. Раскрыто правовое содержание методик исчисления вреда, причиняемого водным биологическим ресурсам при производстве гидротехнических работ. Предложены пути по уменьшению вреда водным биологическим ресурсам и среде их обитания.

Ключевые слова: водные биологические ресурсы, возмещение ущерба, охрана окружающей среды, предотвращаемый ущерб, компенсационные выплаты.

Zhanna B. Ivanova

CIVIL RESPONSIBILITY IN THE FORM OF COMPENSATION OF THE DAMAGE CAUSED TO WATER BIOLOGICAL RESOURCES AND THE ENVIRONMENT OF THEIR DWELLING

Abstract. In article the legislation, other normative legal acts on compensation of the material harm done to water biological resources is in detail analysed. The legal maintenance of techniques of calculation of the harm done to water biological resources by production of hydrotechnical works is opened. Ways of reduction of harm are offered water biological resources and the environment of their dwelling.

Key words: water biological resources, compensation of damage, the environmental protection, not prevented damage, compensation payments.

Конституция Российской Федерации создает основы всех отраслей российского законодательства, включая охрану окружающей среды, в том числе водных биологических ресурсов. Первые конституции в силу социально-экономического положения страны содержали лишь нормы об исключительной собственности на землю и другие основные природные ресурсы. В 1960 г. был принят Закон от 27 ок-

тября «Об охране природы в РСФСР», закрепивший основы правовых отношений «человек-природа»¹. Конституции СССР 1977 г. и РСФСР 1978 г. закрепили принцип, согласно которому «в интересах настоящего и будущих поколений в России принимаются необходимые меры для охраны и научно обоснованного рационального использования земли и ее недр, водных ресурсов, животного мира ... воспроиз-

водства природных богатств и улучшения окружающей человека среды»¹.

Конституция РФ 1993 г. содержит более конкретные экологические предписания и принципы, направленные на развитие экологического законодательства. В частности, ст. 42 о праве каждого на благоприятную окружающую среду повторяет аналогичные нормы конституций многих европейских стран². Однако ни в одной из принятых конституций не было закреплено положение о возмещении ущерба, причиненного водным биологическим ресурсам. Этот пробел восполнялся федеральными законами, принятием правительственных и ведомственных нормативных правовых актов.

Так, ст. 96 Закона РСФСР от 19 декабря 1991 г. «Об охране окружающей природной среды» указывалось, что вред природной среде причиняется ее загрязнением, порчей, уничтожением, нерациональным использованием природных ресурсов, разрушением естественных экологических систем и другими экологическими правонарушениями³. Однако данный закон не регулировал вопросы возмещения вреда, причиненного биологическим водным ресурсам.

Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» в ч. 1 ст. 77 закрепил положение о том, что «юридические и физические

лица, причинившие вред окружающей среде в результате ее загрязнения, истощения, порчи, уничтожения, нерационального использования природных ресурсов, деградации и разрушения естественных экологических систем, природных комплексов и иного нарушения законодательства в области охраны окружающей среды, обязаны возместить его в полном объеме в соответствии с законодательством»⁴. Однако в законе отсутствует механизм возмещения вреда водным биологическим ресурсам. Отечественная история осуществления компенсационных мероприятий берет свое начало с момента ввода в эксплуатацию в 1928 г. Волховского рыбноводного завода, построенного в компенсацию ущерба, наносимого запасам волховского сига строительством гидроэлектростанции на р. Волхов. В последующие годы в рамках компенсационных мероприятий в Советском Союзе было построено более 50 различных рыбноводно-мелиоративных объектов воспроизводственного значения и около 20 рыбопитомников и товарных рыбноводных хозяйств⁵.

15 сентября 1958 г. постановлением Совета Министров СССР было утверждено Положение об охране рыбных запасов и о регулировании рыболовства в водоемах СССР⁶. 12 июля 1974 г. Министерством рыбного хозяйства СССР утверждена Методика (№ 30-2-02) под-

¹ Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик // Конституции союзных советских социалистических республик. М., 1985. С. 12, 59.

² См. подробнее: *Боголюбов С. А.* Конституционные основы охраны окружающей среды в государствах Европы // Журн. рос. права. 2003. № 6. С. 18–19.

³ Закон РСФСР от 19.12.1991. № 2060-1 «Об охране окружающей природной среды». Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РФ. 1992. «№ 10. Ст. 457.

⁴ Федеральный закон от 10.01.2002 года № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды». Принят ГД ФС РФ 20.12.2001. Собр. Законодательства РФ. 2002. № 2. Ст. 137.

⁵ *Белоусов А. Н.* О компенсации ущерба, наносимого водным биоресурсам и среде их обитания. URL: <http://hellion-ltd.ru/damage-compensate>.

⁶ СП СССР. 1958. № 16, ст. 127

счета ущерба, нанесенного рыбному хозяйству в результате нарушения Правил рыболовства и охраны рыбных запасов¹. Отмечалось, что органы рыбоохраны имеют право предъявлять иски к государственным предприятиям, организациям и учреждениям о взыскании в доход государства средств в возмещение ущерба, нанесенного рыбному хозяйству в результате нарушения Правил рыболовства и охраны рыбных запасов с использованием этих средств на мероприятия по воспроизводству рыбных запасов.

Указанный ущерб состоял в гибели или уменьшении запасов рыбы и морского зверя одинаково как для освоенных, так и неосвоенных промыслов водоемов. При этом подчеркивалось, что полный ущерб, причиненный рыбному хозяйству, не поддается определению из-за сложности количественного и стоимостного учета всего комплекса неблагоприятных факторов, влияющих на воспроизводство объектов водного промысла, а также вторичных последствий, проявляющихся в течение длительного времени.

Временная Методика оценки ущерба, наносимого рыбным запасам в результате строительства, реконструкции и расширения предприятий, сооружений и других объектов и проведения различных видов работ на рыбохозяйственных водоемах, утвержденная в 1989 г. Минрыбхозом СССР 18 декабря и Госкомприродой СССР 20 октября регламентировала порядок оценки непредотвращаемого предупредительными рыбоохранными мерами ущерба рыбным запасам, наносимого в результате хозяйственной деятельности на

¹ Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

водных объектах рыбохозяйственного значения и определения компенсационных мероприятий, обеспечивающих сохранение рыбных запасов, расчетов объемов капитальных вложений на их осуществление².

Методикой предусматривалось строительство рыбоводных заводов, рыбопитомников, нерестово-выростных хозяйств, инкубационных цехов, устройство искусственных нерестилищ с целью улучшения условий размножения и обитания рыб. При этом указывалось, что выполняемая оценка ущерба носит ориентировочный характер и подлежит уточнению в процессе разработки и утверждения проектно-сметной документации на принципе приоритета сохранения водных биологических ресурсов и их рационального использования³.

Для оценки ущерба и определения компенсационных затрат на воспроизводство рыбных ресурсов в 1990 г. Минрыбхозом СССР была принята Временная Методика оценки ущерба, наносимого рыбным запасам в результате строительства, реконструкции и расширения предприятий, сооружений и проведения различных видов работ на рыбохозяйственных водоемах. Расчет ущерба рыбным запасам производился по трем возможным вариантам: в случае полной потери рыбопродуктивности водоема или его части; в случае снижения рыбопродуктивности водоема вследствие ухудшения условий размножения, нагула и зимовки

² Там же.

³ См. подробнее: Родькина О. В., Егорова И. А., Калинина Н. Р. Ущерб и компенсационные мероприятия в рыболовстве. URL: <http://hellion-ltd.ru/damage-compensate> (дата обращения: 02.09.2016).

рыб; в случае непосредственной гибели кормовых организмов, рыб и др.¹

Однако Методика имела ряд недостатков, дающих основание для произвольной трактовки результата расчетов, проводимых различными специалистами, а именно:

- узкая направленность для оценки ущерба рыбным запасам в пресно-водных объектах, так как не учитывались особенности структуры морских экосистем; не был предусмотрен расчет ущерба промысловым беспозвоночным;

- отсутствовали методы расчета параметров зон воздействия;

- в составе потерь кормовой базы промысловых рыб не учитывались потери наличной биомассы планктона и бентоса, а только их потенциальной продукции; коэффициенты по кормовой базе рыб требовали уточнения;

- Методика не имела статуса нормативного документа (не зарегистрирована в Минюсте). Хозяйствующие субъекты, например, Мурманской области обращались за расчетами ущербов в ВНИРО, ПИНРО, ММБИ, ГОСНИОРХ и др.

Прибрежные морские акватории являются районами наибольшей биологической продуктивности. В силу своей относительно небольшой площади биота таких районов весьма уязвима к негативному воздействию различных неблагоприятных (в том числе и антропогенных) факторов. Учитывая данное обстоятельство, единственной мерой, предотвращающей реальный ущерб водным биологическим ресурсам, является не компенсация ущерба, а запрет на проведение работ в период основных репродуктивных процес-

сов гидробионтов. В тех случаях, когда сами хозяйствующие субъекты, заинтересованные в проведении работ, производят расчет ущерба, нередко допускаются некорректные подходы по оценке рыбохозяйственной значимости районов проводимых работ.

Компенсация вреда водным биоресурсам рассматривалась посредством рыбоводно-мелиоративных мероприятий. Согласно Методике названные мероприятия, как правило, должны осуществляться в том же водоеме или бассейне, где ожидается этот ущерб, а при отсутствии такой возможности – в других водоемах или бассейнах данного региона. Существующая практика компенсации ущерба в Мурманской области предусматривает в основном компенсационные мероприятия, направленные на воспроизводство лососевых. Подчеркивается, что «...проблема такого пути компенсации ущерба рыбным ресурсам – неэквивалентная, в экологическом плане, замена одних видов рыб на другие, особенно заметная в случае нанесения ущерба морской ихтиофауне. Поэтому ущерб должен компенсироваться не только лососевым, по которым мы имеем возможности для воспроизводства, но и наиболее ценным промысловым объектам морских экосистем»².

При невозможности сохранения продуктивности естественных водных объектов и водохранилищ данной Методикой допускалась возможность компенсации ущерба рыбным ресурсам путем строительства товарных рыбоводных хозяйств (товарное рыбоводство), что открывало широкие возможности для развития хозяйств

¹ Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Родькина О. В., Егорова И. А., Калинина Н. Р. Указ. соч.

аквакультуры (марикультуры) в качестве компенсационных мероприятий. Развитие аквакультуры, реконструкция и модернизация рыбоводных заводов включены в основные направления деятельности Правительства Российской Федерации в части рыбохозяйственного комплекса. За счет искусственного воспроизводства обеспечивается более 90 % запасов осетровых видов рыб бассейнов Каспийского и Азовского морей и около 60 % запасов тихоокеанских лососей¹. Такая возможность приемлема и для Северного морского бассейна.

В современных экономических реалиях развитие хозяйств аквакультуры (марикультуры), пастбищного выращивания ценных видов гидробионтов должно рассматриваться в качестве главного компенсационного мероприятия при нанесении непредотвращаемого ущерба водным биоресурсам морских экосистем². Несмотря на имеющиеся недостатки существующей

¹ Концепция федеральной целевой программы «Повышение эффективности использования и развития ресурсного потенциала рыбохозяйственного комплекса в 2009–2013 годах»: утв. распоряжением Правительства Рос. Федерации от 7 мая 2008 г. № 681-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. № 20, ст. 2385..

² Искусственное воспроизводство промысловых гидробионтов как способ компенсации ущерба от хозяйственной деятельности на шельфе в отношении водных биологических ресурсов / Б. Ф. Прищепа [и др.] // Рыб. Хозяйство. 2008. № 4. С. 39–42; Шуйский В. Ф., Дрозжина К. С., Максимова Т. В., Петров Д. С. Современное состояние нормативно-методической базы оценки техногенного рыбохозяйственного ущерба пресноводным и эстуарным экосистемам // Экология антропогена и современности: природа и человек: докл. Междунар. конф., Астрахань, Волгоград, 24–27 сент. 2004 г. СПб., 2004. С. 636–645.

Методики, работа в данном направлении проводилась, однако гораздо хуже обстояли дела с компенсацией непредотвращаемого ущерба. Например, общая сумма рассчитанных компенсационных средств за 2005–2009 гг. по Мурманской области составила 61 млн 51 тыс. руб. Часть работ, на которые производился расчет ущерба, еще не выполнялась, а часть работ на рассчитанную компенсационную сумму 4 млн 168 тыс. руб. уже выполнена или находится на стадии выполнения. До 2005 г. компенсационные средства направлялись в систему рыбоводов на выполнение рыбоводно-мелиоративных мероприятий. С 2005 г. старый порядок направления средств был отменен, а новый еще не выработан.

В соответствии с приказом Росрыболовства от 21 января 2009 г. № 19 «Об осуществлении искусственного воспроизводства водных биологических ресурсов в водных объектах рыбохозяйственного значения в целях компенсации ущерба водным биологическим ресурсам и среде их обитания»³; на основании утвержденных Росрыболовством мероприятий по искусственному воспроизводству водных биоресурсов должны заключаться договоры с юридическими лицами или индивидуальными предпринимателями об искусственном воспроизводстве.

Мероприятия по компенсации ущерба предусматривают выпуск в водные объекты рыбохозяйственного значения молоди (личинок) водных биоресурсов, работы по восстановлению естественных и устройству искусственных нерестилищ, расчистке протоков и русел рек, направленные на

³ URL: <http://www.fishcom.ru> (дата обращения: 16.09.2016).

восстановление и сохранение среды (мест нереста, путей миграций, нагула и зимовки) и условий обитания водных биоресурсов. Вместе с тем анализ реализации мероприятий по компенсации ущерба указывает на неудовлетворительную организацию этой работы со стороны территориальных управлений Росрыболовства. Общий объем средств, использованных на осуществление работ по искусственному воспроизводству водных биоресурсов, составил не многим более 300 млн руб. или менее 10 % от общей стоимости компенсационных мероприятий. По проектам, где объемы потерь наиболее ценных видов водных биоресурсов – осетровых, лососевых и сиговых рыб, составляют от 300 до 1500 т, работа по организации проведения компенсационных мероприятий практически не велась¹.

Росрыболовство 25 ноября 2011 г. № 1166 утвердило по согласованию с Министерством природных ресурсов и экологии Российской Федерации Методику исчисления размера вреда, причиненного водным биологическим ресурсам². Размер вреда, причиненного водным биоресурсам в результате нарушения законодательства в области рыболовства и сохранения водных биоресурсов, а также в результате стихийных бедствий, аномальных природных явлений, аварийных ситуаций природного и техногенного характера, планируемой хозяйственной деятельности, влияющей на состояние водных био-

ресурсов и среды их обитания определяется настоящей Методикой³.

Определение последствий негативного воздействия намечаемой деятельности на состояние водных биоресурсов основывается на исходных данных: о характере, степени и видах воздействия на состояние водных биоресурсов (включая кормовую базу), среду их обитания и условия воспроизводства; о состоянии водных биоресурсов; о сезонных изменениях условий обитания, влияющих на распределение водных биологических ресурсов.

³ Настоящая Методика разработана в соответствии: с федеральными законами от 20 декабря 2004 г. № 166-ФЗ «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов», от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды»; Водным кодексом Российской Федерации; постановлениями Правительства Российской Федерации от 11 июня 2008 г. № 444 «О Федеральном агентстве по рыболовству»; от 28 июля 2008 г. № 569 «Об утверждении Правил размещения хозяйственных и иных объектов, а также внедрения новых технологических процессов, влияющих на состояние водных биологических ресурсов и среду их обитания»; от 25 августа 2008 г. № 645 «Об утверждении Правил организации искусственного воспроизводства водных биологических ресурсов в водных объектах рыбохозяйственного значения»; приказами Росрыболовства от 6 мая 2010 г. № 433 «Об утверждении Порядка осуществления мероприятий по акклиматизации водных биологических ресурсов»; от 11 июня 2009 г. № 501 «Об утверждении Порядка проведения рыбохозяйственной мелиорации водных объектов».

¹ Белоусов А. Н. Указ. соч.

² Бюл. норматив. актов федер. органов исполн. власти. 2012. № 27.

Библиографический список

1. Белоусов А.Н. О компенсации ущерба, наносимого водным биоресурсам и среде их обитания / А.Н. Белоусов. – Режим доступа: http://aquaculture.ru/content/usherb_vodnym_bioresursam.php.
2. Обзор докладов участников конференции «Рыболовство в условиях освоения углеводородных ресурсов» континентального шельфа. – Режим доступа: <http://hellion-ltd.ru/damagecompensate>.
3. Искусственное воспроизводство промысловых гидробионтов как способ компенсации ущерба от хозяйственной деятельности на шельфе в отношении водных биологических ресурсов / Б.Ф. Прищепа // Рыб. хозяйство. – № 4. – С. 39–42.

References

1. *Belousov A.N.* Compensation of Damage Caused to Aquatic Bioresources and Their Habitat. URL: http://aquaculture.ru/content/usherb_vodnym_bioresursam.php.
2. A Review of the Reports of the Participants of the Conference “Fishing under the Conditions of Hydrocarbons Exploration in the Continental Shelf. URL: <http://hellion-ltd.ru/damagecompensate>.
3. *Prishhepa B. F., Titov O. V., Pestrikova L. I., Novikova M. A.* Artificial Reproduction of Commercial Hydrobionts as a Way of Compensation of Damages from Economic Activities on the Continental Shelf in Respect of Aquatic Biological Resources. *Ribnoe Khozyajstvo*. 2008. No. 4. P. 39–42.

О. В. Кабанова

**ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ В ОБЛАСТИ ВРЕМЕННОГО ПРЕБЫВАНИЯ,
ВРЕМЕННОГО И ПОСТОЯННОГО ПРОЖИВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН
И ЛИЦ БЕЗ ГРАЖДАНСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Аннотация. В статье раскрываются проблемы в области законодательства и практики временного пребывания, временного и постоянного проживания иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации. Режим пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства в обязательном порядке должен подтверждаться миграционной картой либо визой. Помимо этого, государство, принявшее таких лиц, обязано поставить таких лиц на миграционный учет.

Ключевые слова: иностранный гражданин, лицо без гражданства, временное пребывание, временное и постоянное проживание, миграционная карта.

O. V. Kabanova

**PROBLEMATIC ASPECTS IN THE FIELD OF TEMPORARY STAY, TEMPORARY
AND PERMANENT RESIDENCE OF FOREIGNERS AND STATELESS PERSONS
IN THE RUSSIAN FEDERATION**

Abstract. This article describes the problems in the legislation and practice of temporary stay, temporary and permanent residence of foreigners and stateless persons in the Russian Federation. Mode stay of foreign citizens and stateless persons must necessarily be supported by the migration card or visa. In addition, the state has adopted such persons shall be obliged to place such persons on the migratory account.

Key words: a foreign citizen, stateless person, temporary stay, temporary and permanent residence, migration card.

Лица, являющиеся гражданами иностранного государства и лица без гражданства, пребывающие на территории РФ являются особыми субъектами административного права, что связано с их режимом пребывания и статусом. Правовую основу таких лиц составляет Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в РФ» Часть 1 ст. 1 данного закона дает следующее определение такой категории лиц: «временно пребывающий в Российской Федерации иностранный гражданин – лицо, прибывшее в Российскую Федерацию на основании

визы или в порядке, не требующем получения визы, и получившее миграционную карту, но не имеющее вида на жительство или разрешения на временное проживание»¹.

Существует множество поводов, по которым иностранные граждане и лица без гражданства бесконечно въезжают на территорию Российской Федерации для пребывания или проживания в стране. И главное место среди этих поводов занимает проблема, связанная с трудоустройством. По данным статистики Главного управления по вопросам миграции МВД Рос-

¹ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 30, ст. 3032 ; 2015. № 21, ст. 2984.

сии, в период с января по март 2016 г. на территории Российской Федерации трудилось около 10 млн трудовых мигрантов¹.

Следующей немаловажной причиной миграции является политический фактор, который подразумевает под собой перемещение лиц в иные государства вследствие беспорядков в стране, государственных переворотов, смены правительства, смены формы государственного правления. В настоящее время этот фактор особенно актуален в связи с миграцией населения из городов Сирии в страны Европы из-за вооруженных конфликтов с участием террористических организаций.

Значительными являются и природные причины, выраженные в различного рода стихийных бедствиях: наводнения, лесные пожары, землетрясения, ураганы и т. д. Эта причина имеет место и по сей день: совершенно недавно в Канаде начались глобальные лесные пожары, захватившие такие города и поселения, как Альберта, Форт-МакМеррей, Блэксэндс-Эксекьютив-Лодж, в результате чего еще до начала эвакуации эти территории покинули более 40 тыс. человек.

Следующая причина – экологическая. Самым ярким примером является катастрофа на Чернобыльской АЭС, после которой был эвакуирован весь Чернобыль, а население близлежащих городов и поселений мигрировало как можно дальше от очага радиации.

Еще одна причина – религия: миграция населения вследствие преследования людей из-за их религиозных верований и убеждений. Конститу-

ция Российской Федерации запрещает религиозную ненависть и вражду, а ст. 28, в частности гласит: «Каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними».

Наконец, национальный фактор, который характеризует миграцию в результате национальных преследований. Конституция Российской Федерации также запрещает национальную ненависть и вражду, о чем говорится в ст. 26: «Каждый вправе определять и указывать свою национальную принадлежность. Никто не может быть принужден к определению и указанию своей национальной принадлежности».

Въезжающие в Российскую Федерацию иностранные граждане и лица без гражданства должны заранее оформить приглашение, выдаваемое федеральным органом исполнительной власти, который ведает вопросами иностранных дел, или федеральным органом исполнительной власти, регламентирующим вопросы внутренних дел (а также его территориальные органы). Ходатайствовать о выдаче этого приглашения могут федеральные органы государственной власти РФ, органы государственной власти субъектов РФ, дипломатические и консульские представительства иностранных государств в РФ, международные организации, а также их представительства в РФ, юридические лица, граждане РФ и постоянно проживающие в РФ иностранные

¹ Главное управление по вопросам миграции МВД России : [сайт]. # URL: <https://гувм.мвд.рф> (дата обращения: 11.09.2016).

граждане. При выдаче приглашения по этому ходатайству приглашающая сторона предоставляет иностранному гражданину или лицу без гражданства материальные, жилищные и медицинские гарантии.

Далее, таким лицам выдается документ, который дает им право пересечь границу РФ – виза. Виза выдается в зависимости от цели въезда иностранного гражданина или лица без гражданства на территорию РФ. Данный документ содержит в себе такие сведения, как: фамилия, имя, дата рождения, пол, гражданство (либо подданство), номер документа, удостоверяющего личность иностранного гражданина или лица без гражданства, цель совершаемого въезда на территорию РФ, дата въезда в РФ, срок действия визы (однократная, двукратная или многократная), а также сведения о приглашающем данного иностранного гражданина или лица без гражданства лице.

Статья 6.1 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» предусматривает возможность временного проживания иностранных граждан, прибывших на территорию Российской Федерации в порядке, не требующем получения визы. Для этого иностранному гражданину необходимо подать в территориальный орган федерального органа исполнительной власти в сфере миграции следующие документы:

«1) заявление о выдаче разрешения на временное проживание;

2) документ, удостоверяющий личность данного иностранного гражданина и признаваемый Российской Федерацией в этом качестве;

3) миграционную карту с отметкой пограничного органа федеральной службы безопасности о въезде данного иностранного гражданина в Российскую Федерацию или с отметкой территориального органа федерального органа исполнительной власти в сфере миграции о выдаче данному иностранному гражданину указанной миграционной карты. В случае непредставления миграционной карты территориальный орган федерального органа исполнительной власти в сфере миграции проверяет на основании имеющихся в таком органе сведений данные об иностранном гражданине, содержащиеся в миграционной карте;

4) квитанцию об уплате государственной пошлины за выдачу разрешения на временное проживание. Указанную квитанцию данный иностранный гражданин вправе представить в федеральный орган исполнительной власти в сфере миграции или его территориальный орган по собственной инициативе. В случае непредставления указанной квитанции федеральный орган исполнительной власти в сфере миграции или его территориальный орган проверяет факт уплаты государственной пошлины за выдачу данному иностранному гражданину разрешения на временное проживание с использованием информации об уплате государственной пошлины, содержащейся в Государственной информационной системе о государственных и муниципальных платежах;

5) документ, подтверждающий владение данным иностранным гражданином русским языком, знание им истории России и основ законодательства Российской Федерации».

Режим пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства в обязательном порядке должен подтверждаться миграционной картой либо визой. Помимо этого, государство, принявшее таких лиц, обязано поставить таких лиц на миграционный учет.

Относительно сроков временного пребывания законом устанавливается следующее: что иностранному гражданину с момента въезда на территорию России в течение 6 месяцев можно находиться суммарно всего 90 суток. За нарушение таких сроков КоАП РФ предусматривает административную ответственность. Однако именно здесь и начинаются проблемы, ведь при пересечении такими гражданами границы Российской Федерации сотрудники пограничных органов Федеральной службы безопасности проверяют лишь наличие судимости и каких-либо ограничений на въезд в РФ, тогда как сроки пребывания таких лиц в большинстве случаев не просматриваются в связи со сложностью данной процедуры.

Об иностранных гражданах и лицах без гражданства, нарушивших срок в 90 суток, ч. 12 ст. 27 Федерального закона от 18 июля 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» гласит следующее: «иностранец или лицо без гражданства в период своего предыдущего пребывания в Российской Федерации превысили срок пребывания в девяносто суток суммарно в течение каждого периода в сто восемьдесят суток, – в течение трех лет со дня выезда из Российской Федерации»¹.

¹ Рос. газ. 1996. 22 авг.

В соответствии со ст. 33 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» «иностранец, виновный в нарушении законодательства Российской Федерации, привлекается к ответственности в соответствии с законодательством Российской Федерации. При этом иностранец, незаконно находящийся в Российской Федерации, либо подлежащий передаче в соответствии с международным договором Российской Федерации о реадмиссии, либо принимаемый в соответствии с международным договором Российской Федерации о реадмиссии, подлежит учету, фотографированию и обязательной государственной дактилоскопической регистрации с последующим помещением полученных сведений в центральный банк данных». Однако следует отметить, что международным договором между двумя государствами могут быть установлены условия передачи виновного лица в другое государство для привлечения его к ответственности с согласия государства, на территории которого и произошло нарушение законодательства в области гражданства и миграции. Данная процедура называется «экстрадиция».

Приятным моментом для иностранных граждан и лиц без гражданства является то, что они не призываются на военную службу в отличие от лиц, имеющих двойное гражданство, так как в соответствии с Федеральным законом «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» иностранные граждане и лица без гражданства не могут быть призваны на военную службу (альтернативную гражданскую службу).

И такое правило распространяется не только на территории РФ, а считается общепринятым во всем мире. Иностранцы граждане также находятся под сильной защитой своего государства, гражданином которого он является, а также под защитой международных органов.

Иностранцы граждане и лица без гражданства имеют множество ограничений, находясь в РФ.

1) Применительно к политической сфере иностранцы граждане не имеют права:

– избирать и быть избранными в РФ;

– проходить государственную службу (кроме военной) и муниципальную службу в РФ;

– участвовать в политических партиях РФ;

– участвовать в осуществлении правосудия;

– проводить публичные мероприятия, а также принимать в них участие.

2) Применительно к социальной сфере не имеют права:

– замещать должности в составе экипажа судна, плавающего под Государственным флагом Российской Федерации, в соответствии с ограничениями, предусмотренными Кодексом торгового мореплавания Российской Федерации;

– быть членом экипажа военного корабля Российской Федерации или другого эксплуатируемого в некоммерческих целях судна, а также летательного аппарата государственной или экспериментальной авиации;

– быть командиром гражданского воздушного судна, если иное не установлено федеральным законом;

– быть принятым на работу на объекты и в организации, деятельность которых связана с обеспечением безопасности Российской Федерации. Перечень таких объектов и организаций утверждается Правительством Российской Федерации¹;

– не получают пенсионного обеспечения;

3) Применительно к экономической сфере:

– итностранцы граждане, лица без гражданства и иностранные юридические лица не могут обладать на праве собственности земельными участками, находящимися на приграничных территориях, перечень которых устанавливается Президентом Российской Федерации в соответствии с федеральным законодательством о Государственной границе Российской Федерации, и на иных установленных особо территориях Российской Федерации в соответствии с федеральными законами².

Таким образом, временно пребывающие, временно и постоянно проживающие в РФ иностранцы граждане и лица без гражданства – это те граждане, которые находятся в РФ на основании закона. Такие лица должны иметь соответствующие документы, такие как виза, вид на жительство, миграционная карта, обязаны чтить Конституцию Российской Федерации, а также соблюдать российское законодательство.

¹ О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации : федер. закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ. Ст. 14.

² Земельный кодекс Российской Федерации. Ст. 15

Библиографический список

1. Главное управление по вопросам миграции МВД России : # [сайт]. – режим доступа: <https://гувм.мвд.рф>.
2. Конституция Российской Федерации : [принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г.] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2014. – № 31, ст. 28.
3. О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации : федер. закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2002. – № 30, ст. 3032 ; 2015. – № 21, ст. 2984.

References

1. The General Directorate for migration of the MIA of Russia. URL: <https://гувм.мвд.рф>.
2. The Constitution of the Russian Federation : [accepted Senar. vote 12 Dec. 1993]. *Sobranie Zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii*. 2014. No. 31, art. 28.
3. On legal status of foreign citizens in the Russian Federation. *Sobranie Zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii*. 2002. No. 30, art. 3032; 2015. No. 21, art. 2984.

А. В. Кисляков, М. И. Удалов

УЧЕТ ПСИХИЧЕСКИХ АНОМАЛИЙ СУБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРЕСЛЕДОВАНИИ

Аннотация. В статье анализируются понятийные категории, связанные с институтом ограниченной вменяемости; статистические данные о распространенности психических расстройств среди лиц, ведущих криминальный образ жизни; основные признаки и виды психических расстройств, не исключающих вменяемости. Раскрываются процессуальные проблемы выявления и учета психических аномалий в ходе расследования уголовного дела и др.

Ключевые слова: психические аномалии, ограниченная вменяемость, виды психических расстройств, судебная экспертиза, преступление.

A. V. Kisliakof, M. I. Udalov

THE ACCOUNT OF MENTAL ANOMALIES OF THE SUBJECT OF A CRIME IN CRIMINAL PROSECUTION

Abstract. In the article are given: the analysis of conceptual categories connected with the institution of limited sanity; Statistical data on the prevalence of mental disorders among people who lead criminal lives; The main signs and types of mental disorders that do not exclude sanity. The procedural problems of identifying and accounting for mental abnormalities during the investigation of a criminal case, etc., are disclosed.

Key words: mental anomalies, limited sanity, types of mental disorders, forensic examination, crime.

Учение¹ о вменяемости и невменяемости является одной из фундаментальных проблем уголовного права.

Общественно опасные деяния совершаются как психически здоровыми людьми, так и лицами, страдающими различными расстройствами психики, в том числе и имеющими психические аномалии.

Н. Г. Иванов предлагает понимать психические аномалии как «...все те механические процессы в поведении человека, которые характеризуются дисбалансом сил возбуждения и торможения»².

И. А. Семенцова, уточняя особенности отклоняющегося поведения, характеризует психические расстрой-

ства, не исключающие вменяемости, как «...оказывающий влияние на мотивирующую комплекс дисбаланс психофизиологических процессов возбуждения и торможения, который может быть условием противоправного поведения»³.

Р. И. Михеев и А. В. Михеева считают, что психические аномалии – это врожденное или приобретенное функциональное или органическое изменение головного мозга, которое, отражаясь на разных сторонах психической деятельности субъекта, влияет на характер и содержание его социально значимо-

© Кисляков А. В., Удалов М. И., 2016

² Иванов Н. Г. Аномальный субъект преступления. М., 1998. С. 20.

³ Семенцова И. А. Уголовная ответственность лиц с психическими расстройствами, не исключающими вменяемости : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. С. 41.

го поведения, в том числе общественно опасного поведения¹.

Ю. К. Сущенко характеризует уменьшенную вменяемость как «...состояние психики лица, когда его способность осознавать свои действия или руководить ими в момент совершения преступления не утрачена вовсе, но в отличие от нормы понижена (ослаблена) вследствие тех или иных психических аномалий»².

Е. И. Цымбал характеризует ограниченную вменяемость как «...особенности уголовной ответственности вменяемых лиц с психическими расстройствами, ограничивавшими во время совершения преступления их способность в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими»³.

Приведенные выше мнения различных ученых, хотя и являются полярными с точки зрения оценки психического состояния лица, совершающего противоправное деяние, однако ни один из авторов не отрицает того очевидно-го факта, что наличие ограниченной (уменьшенной и пр.) вменяемости не позволяет лицу в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность совершаемого деяния или руководить им.

¹ Михеев Р. И., Михеева А. В. Значение психических аномалий для совершенствования уголовно-правовых мер борьбы с преступностью // Проблемы правового регулирования вопросов борьбы с преступностью. Владивосток, 1977. С. 48–61.

² Сущенко Ю. К. Совершенствование понятий «вменяемость» и «невменяемость» // Становление и развитие советского законодательства. Волгоград, 1973. С. 67.

³ Цымбал Е. И. Ограниченная вменяемость: дискуссионные вопросы теории и правоприменительной практики // Уголов. право. 2002. № 1. С. 57.

Психические аномалии, как правило, способствуют проявлению раздражительности, агрессивности поведения, жестокости в отношении с окружающими и пр. Кроме того, расстройство психической деятельности ведет к снижению у лица интеллектуальных и волевых процессов, способствует повышению внушаемости и ослаблению сдерживающих контрольных механизмов. В целом же аномалии психики препятствуют процессу интеграции личности в обществе, установлению социально полезных связей и отношений, усвоению норм и правил человеческого общежития, препятствуют к занятию отдельными видами трудовой деятельности и деятельности вообще и пр., что в совокупности прямо влияет на ведение таким лицом антиобщественного образа жизни и как закономерного итога высокой вероятности совершения преступного деяния. Достаточно констатировать факт наличия психической аномалии, причем не важно, проявляется она во внешних коммуникациях или скрыта и находится внутри человека, чтобы допустить криминогенный сценарий развития личности в какой-либо социальной микрогруппе (семья, профессиональный коллектив, круг знакомых, друзей и т. д.) или в процессе участия аномального лица в жизни различных социальных институтов гражданского общества.

Весьма интересными выглядят результаты научных исследований, освещенные в специальной юридической литературе, которые свидетельствуют о высоком уровне распространенности психических аномалий среди лиц, совершивших общественно опасные деяния. Так, по данным отдельных исследований, доля лиц, имеющих психические аномалии, и совершивших умышленные

убийства, хулиганство, изнасилование, кражи, грабежи и разбои, составляет более 50 %, а среди совершивших тяжкие преступления против личности, аномальные преступники составляют около 68 %¹.

Из 100 % лиц, виновных в совершении преступлений и прошедших судебную психолого-психиатрическую экспертизу в Институте им. В. П. Сербского, в среднем 74–75 % признаются имеющими те или иные психические отклонения, не устраняющие вменяемости².

Профессор Ю. М. Антонян отмечает, что сведения об удельном весе психических аномалий среди лиц, совершивших преступления, в целом варьируются в весьма широком диапазоне (10–85 %). Это происходит на верное, по той причине, что в число аномалий, помимо расстройств, включают и акцентуации личности³.

Среди лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, особенно за насильственные преступления, удельный вес психических аномалий составляет до 80 % случаев; отмечается устойчивый рост среди населения криминогенно значимых психосоциальных девиаций (наркомания, токсикомания, алкоголизм, проституция, бездомность, насилие в семье, «дедовщина» или «казарменное хулиганство» в армии и др.)⁴.

Эти и некоторые другие результаты исследований свидетельству-

ют о весьма значительной доли лиц, совершивших отдельные виды преступлений и имеющих психические отклонения в рамках вменяемости. Актуальность указанной проблемы подчеркивается и в научных трудах известных ученых криминологов, психиатров, пенитенциаристов, психологов и других специалистов (Ю. М. Антонян, Ю. Н. Аргунова, Л. М. Балабанова, И. Н. Боброва, С. В. Бородин, Л. И. Глухарева, Н. Г. Иванов, Г. Б. Калманов, Я. М. Калашник, А. Ф. Кистяковский, В. Г. Козюля, Е. К. Краснушкин, В. Н. Кудрявцев, Н. Ф. Кузнецова, Д. Р. Лунц, Р. И. Михеев, Г. В. Назаренко, Т. П. Печерникова, Г. В. Рейтц, В. Я. Семке, О. Д. Ситковская, Б. А. Спасенников, Ю. К. Сущенко, В. С. Трахтеров, Н. И. Фелинская, А. М. Халецкий, Е. И. Цыбал, С. Н. Шишков и др.), участвующих в научной дискуссии по проблемам соотношения социального и биологического в механизме преступного поведения лиц, страдающих психическими аномалиями, влияния психических расстройств на криминальное поведение субъекта преступления, определения характера отдельных видов психических расстройств, позволяющих оценивать поведение субъекта преступления с учетом симптомов болезненного состояния психики и т. п.

Несмотря на то, что в уголовном законодательстве существует понятийный аппарат, отражающий специфику состояния психического здоровья лица, совершающего общественно опасное деяние (состояние наркотического, алкогольного или токсического опьянения, нервно-психические перегрузки, аморальное действие (бездействие), беспомощное состояние потерпевшего, сильное душевное волнение (аффект)

¹ Антонян Ю. М., Бородин С. В. Преступность и психические аномалии. М., 1987. С. 13.

² Иванов Н. Г. Указ. соч. С. 125.

³ Личность преступника и профилактика преступлений. С. 129.

⁴ Калманов Г. Б., Костюк М. Ф. Особенности уголовно-правовой ответственности за насильственные преступления у лиц с психическими аномалиями // Рос. следователь. 2012. № 21. С. 10–13.

и др.), законодатель ввел в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее: УК РФ) новую формулу вменяемости, закрепив ее в ст. 22 «Уголовная ответственность лиц с психическим расстройством, не исключающим вменяемости». Оценка криминального поведения (действия (бездействия) субъекта преступления оценивается через призму анализа медицинского и юридического критериев.

Медицинский критерий представлен конкретным видом психического расстройства, наличие которого само по себе не позволяет сделать вывод о невменяемости лица, а только служит критерием оценки качественного состояния психического здоровья субъекта преступления в период совершения общественно опасного деяния.

Юридический критерий исследуется с позиции интеллектуального процесса осознания лицом фактического характера и общественной опасности совершаемого деяния, а также волевого процесса возможностью руководить своими действиями.

Как правило, расстройства психической деятельности, влияющие на преступное поведение и условно объединенные под названием «психические аномалии», включают в себя психопатию, олигофрению в форме дебильности, алкоголизм, наркоманию, остаточные явления черепно-мозговых травм, органические заболевания центральной нервной системы, эпилепсию, сосудистые заболевания с психическими изменениями, шизофрению в состоянии стойкой ремиссии и некоторые другие психические расстройства и болезни¹.

Психические расстройства, при которых экспертами судебных пси-

¹ Личность преступника и профилактика преступлений. С. 134.

хиатрических или комплексных психолого-психиатрических экспертиз рекомендуется применение ст. 22 УК РФ, представлены следующей классификацией: органические психические расстройства, легкие степени умственной отсталости (олигофрении), расстройства личности (психопатии), эпилепсия, шизофрения².

Д. В. Сирожидинов предпринял попытку отразить полный перечень психических аномалий, имеющих непосредственное значение для уголовно-правовой оценки с их медико-психиатрической характеристикой. На основе приведенного перечня им констатируется существование, хотя и разнородных по своей нозологической структуре психических заболеваний, но объединяемых по единому признаку – «выраженность психического расстройства не достигает психотического уровня». Автор замечает такие аномалии, как: алкоголизм; наркомания; токсикомания; все виды пограничных состояний; остаточные явления черепно-мозговых травм; психические нарушения, возникшие в отдаленном периоде заболевания головного мозга (органическая деменция); олигофрения в степени дебильности; эпилепсия; сосудистые заболевания; шизофрения в период дебюта или ремиссии, шизотипические расстройства (вялотекущая шизофрения); маниакально-депрессивный психоз в форме циклотимии; некоторые психические нарушения вследствие сифилитического пораже-

² Законодательство Российской Федерации в области психиатрии. Комментарий к Закону РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании», ГК РФ и УК РФ (в части, касающейся лиц с психическими расстройствами) (постатейный) / под ред. Т. Б. Дмитриевой. 2-е изд., испр. и доп. М., 2002.

ния головного мозга; прогрессивный паралич начальной стадии либо в «период лечебной ремиссии» – хотя и затрудняют социальную адаптацию индивида и снижают его способность осознавать значение своих действий и руководить ими при совершении преступления, тем не менее не исключают вменяемости¹.

Некоторые авторы, исследующие мотивационные и эмоциональные аспекты совершения преступления, отмечают, что страх, нравственные страдания, переживаемые субъектом в той или иной криминальной ситуации, могут быть составным элементом мотивационной сферы личности и рассматриваться в качестве психологического мотива, побудительной силы, толкнувшей его на совершение преступления (убийства, причинения телесных повреждений и т. п.), своего рода психологическим фактором, свидетельствующим о снижении (об утрате) им способности «в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими»² (ст. 22 УК РФ).

В специальной литературе существует мнение, согласно которому состояние аффекта можно отнести к ограниченной вменяемости. В частности, Р. Р. Тухбатуллин относит аффект к состоянию именно ограниченной вменяемости³. Вместе с тем

¹ Куванова Ю. Н. Психические расстройства, не исключающие вменяемость (история, теория, практика) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 138.

² Романов В. В. Юридическая психология : учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2010. С. 182.

³ Тухбатуллин Р. Р. Умышленные преступления против жизни и здоровья, совершенные в состоянии аффекта : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 8.

психическое расстройство, не исключаящее вменяемости, и состояние аффекта, имеют не только различную биологическую природу, но и различные основания возникновения. Как отмечает И. М. Мухачева, причиной аффекта является сильный раздражитель и психофизиологическое эмоциональное состояние как реакция на него. Основаниями ограниченной вменяемости являются исключительно аномалии психики (например, психопатии, неврозы, легкие формы слабоумия), изучением которых занимается психиатрия. Являясь нервно-психическим расстройством, невроз основан на генетической предрасположенности и определенной травматической ситуации переживания, заложенной преимущественно в детстве. Психопатия – патология характера, темперамента и поведения, выражается в нарушении адаптации в социальной среде. И психопатию, и невроз характеризует устойчивость определенных свойств поведения, в отличие от аффекта, которому свойственна кратковременность эмоциональной реакции. При совершении преступления в состоянии аффекта лицом с ограниченной вменяемостью психическое расстройство должно учитываться при назначении наказания, при этом оно никак не влияет на квалификацию деяния как преступления, совершенного в состоянии аффекта. Однако данный автор не исключает, что наличие психической аномалии может являться своеобразным проводником возникновения аффекта. Определенные закономерности течения дефектов нервной системы проявляются в поведении субъекта: в неадекватности действий, нетерпимости к психотравмирующим

условиям, изменении волевой регуляции и осознанности действительности¹.

Таким образом, психические расстройства, не исключая вменяемости, могут иметь более широкий диапазон своего «участия» в механизме криминального поведения субъекта преступления. Однако каким бы качественным психическим состоянием не обладало лицо в период совершения преступления, определяющим будет момент влияния психической аномалии на факт совершения противоправного деяния.

Поскольку расстройства в психической деятельности не всегда имеют ярко выраженный биологический характер (врожденные, унаследованные психические аномалии) и могут быть приобретены, например, в результате полученной в детстве черепно-мозговой травмы, длительного пребывания в местах лишения свободы, ведения асоциального образа жизни и т. п., важной задачей, стоящей перед следственными органами в контексте расследования конкретного противоправного деяния, особенно совершаемого против жизни и здоровья, а также носящего насильственный характер, являются определение и анализ условий, способствующих совершению преступления с точки зрения исследования психических свойств личности подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления.

Строго говоря, с процессуальной точки зрения следственные органы обязаны при исследовании личности обвиняемого уделить особое внимание вопросам

¹ Мухачева И. М. Уголовно-правовая и психологическая характеристика аффекта // Актуальн. проблемы рос. права. 2016. № 7. С. 3.

состояния его психического здоровья и в случае признания необходимым назначить судебную экспертизу (ч. 1 ст. 195 УПК РФ). В случаях помещения подозреваемого, обвиняемого, не находящегося под стражей, в медицинскую организацию, оказывающую медицинскую помощь в стационарных условиях, или в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, для производства соответственно судебно-медицинской или судебно-психиатрической экспертизы, следователь возбуждает перед судом ходатайство о назначении судебной экспертизы (п. 3 ч. 2 ст. 29 УПК РФ).

Заметим, что экспертной оценке подлежит не любое имеющееся у субъекта преступления психическое расстройство, но такое, которое в момент совершения противоправного деяния ограничивало способность лица осознавать фактический характер и общественную опасность совершаемого деяния либо руководить своими действиями. Например, если лицо в ответ на оскорбление потерпевшего, находясь в условиях повышенной эмоциональной возбудимости вследствие имеющегося у него расстройства личности или последствий черепно-мозговой травмы, полученной в детстве, причинило тяжкий вред здоровью, то нужно оценивать поведение такого лица с позиции его ограниченной возможности руководить своими действиями. В другом случае, если указанные расстройства были у субъекта при совершении кражи имущества с проникновением в жилище, поведение такого лица не ограничивало способность руководить своими действиями.

Наличие у данного лица психических расстройств в прошлом, степень

и характер психического расстройства в момент совершения деяния, связь психического расстройства лица с опасностью для него или других лиц либо возможностью причинения им иного существенного вреда может свидетельствовать о необходимости применить к такому лицу, наряду с уголовным наказанием, принудительные меры медицинского характера. В связи с этим следует прежде всего собирать сведения о личности субъекта и его поведении во время совершения деяния, о наличии или отсутствии у него в прошлом психических расстройств, о пребывании в психиатрических медицинских учреждениях, о нахождении на учете в психоневрологическом диспансере и амбулаторном лечении, о наличии близких родственников, которые страдали или страдают в настоящее время какими-либо психическими расстройствами¹.

В практике деятельности следственных органов, к сожалению, вопросам исследования условий, факторов, обстоятельств, способствующих совершению преступления, состоянию психического здоровья личности субъекта преступления не уделяется должно внимания, вследствие чего в отношении потенциально больных преступников выносятся приговоры без учета состояния их психического здоровья.

Итак, совершенно очевидно, что в механизме уголовного преследования лиц, совершивших общественно опасные деяния, нужно понимать значение и роль расстройства психического здоровья лица, которому вменяют уголовную статью.

Именно расстройство психики, выраженной в той или иной форме конкретного заболевания, может являться конкретным условием совершения противоправного деяния. Внимательное отношение следственных и судебных органов к оценке психического состояния здоровья личности субъекта преступления в докриминальный, криминальный и послекриминальный периоды позволяют не только объективно установить все обстоятельства, подлежащие доказыванию, но и своевременно поставить вопрос о назначении и применении к таким лицам принудительных мер медицинского характера. Важно подчеркнуть, что с целью предупреждения процесса прогрессирования какой-либо психической аномалии в период содержания субъекта преступления под стражей в следственном изоляторе, отделы и службы, работающие непосредственно с заключенными, должны иметь исчерпывающую информацию о состоянии психического здоровья таких лиц с целью применения специальных мер психолого-психиатрического характера. В будущем, при должной организации, мониторинг процесса отбывания уголовного наказания позволит существенно снизить рецидив преступлений, совершаемых аномальными лицами, и более успешно добиваться целей уголовного наказания.

¹ См. подробнее: Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс : учебник / под общ. ред. А. В. Смирнова. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2008. Гл. 34, § 3.

Библиографический список

1. *Иванов Н. Г.* Аномальный субъект преступления. Проблемы уголовной ответственности. – М. : Закон и права : ЮНИТИ, 1998. – С. 20.
2. *Калманов Г. Б.* Особенности уголовно-правовой ответственности за насильственные преступления у лиц с психическими аномалиями / Г. Б. Калманов, М. Ф. Костюк // Рос. следователь. – 2012. – № 1. – С. 10–13.
3. *Куванова Ю. Н.* Психические расстройства, не исключающие вменяемость (История, теория, практика) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Куванова Юлия Александровна. – М., 2001. – 220 с.
4. *Мухачева И. М.* Уголовно-правовая и психологическая характеристика аффекта / И. М. Мухачева // Актуальн. проблемы рос. права. – 2016. – № 7(68). – С. 118–121.
5. *Семенцова И. А.* Уголовная ответственность лиц с психическими расстройствами, не исключающими вменяемости : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Семенцова Ирина Анатольевна. – М., 1999. – С. 41.
6. *Тухбатуллин Р. Р.* Умышленные преступления против жизни и здоровья, совершенные в состоянии аффекта : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Тухбатуллин Руслан Рустамович. – М., 2005. – 22 с.
7. *Цымбал Е. И.* Ограниченная вменяемость: дискуссионные вопросы теории и правоприменительной практики / Е. А. Цымбал // Уголов. право. – 2002. – № 1. – С. 57.

References

1. *Ivanov N. G.* Abnormal Subject of Crime. Problems of Criminal Responsibility. M., Zakon i Pravo, YuNITI, 1998. 224 p.
2. *Kalmanov G. B., Kostyuk M. F.* Peculiarities of Criminal Liability for Violent Crimes in Persons with Mental Abnormalities. Rossijskij Sledovatel'. 2012. No. 21. P. 10–13.
3. *Kuvanova Yu. N.* Mental Disorders that do not Exclude Sanity (History, Theory, Practice). M., 2001. 220 p.
4. *Mukhacheva I. M.* Criminally-legal and Psychological Characteristics of the Affect. Actual Problems of Russian Law. 2016. No. 7(68). P. 118–121.
5. *Sementsova I. A.* The Criminal Liability of Persons with Mental Disorders That do not Exclude the Sanity. M., 1999. 175 p.
6. *Tukhbatullin R. R.* Intentional Crimes against Life and Health Committed in a State of Affect. M., 2005. 22 p.
7. *Czy'mbal E. I.* Limited Sanity: Discussion Questions of Theory and Law Enforcement Practice. Uголовное Pravo. 2002. No. 1. P. 56–62.

Н. Е. Павлова, Т. А. Фомина

ПРОЦЕСС ИСЧИСЛЕНИЯ ИМУЩЕСТВЕННЫХ НАЛОГОВ ГРАЖДАНАМ С УЧЕТОМ ИЗМЕНЕНИЙ НАЛОГОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Аннотация. В статье рассмотрено, как проходило реформирование имущественного налогообложения в Российской Федерации, проанализировано применение кадастровой оценки недвижимости для целей налогообложения, отражен механизм расчета стоимости налога на основе кадастровой стоимости объектов недвижимости.

Ключевые слова: имущественный налог, кадастровая стоимость, налоговая политика, налоговое законодательство, налоговая нагрузка

N. E. Pavlova, T. A. Fomina

PROCESS OF CALCULATION OF PROPERTY TAXES TO CITIZENS WITH REGARD TO CHANGES TO TAX LEGISLATION

Abstract. The article reviews the reform of property taxation in the Russian Federation, analyzes the application of cadastral valuation of real estate for tax purposes, reflects the mechanism for calculating the value of tax on the basis of the cadastral value of real estate.

Key words: property tax, cadastral value, tax policy, tax legislation, tax burden.

Основополагающая цель налоговой политики России – создание стабильных доходов бюджетов всех уровней власти. Одним из множества условий существования такой цели можно считать изменение механизма расчета имущественного налога. Имущественные налоги имеют ряд признаков, в том числе и то, что они менее подвержены изменениям в течение налогового периода и не зависят от платежеспособности налогоплательщика, что позволяет рассматривать их в качестве стабильных налоговых доходов в бюджеты уровней власти¹.

В 2014 г. произошли серьезные изменения в сфере налогообложения имущества физических лиц. Это связано с опубликованием Федерального закона от 4 октября 2014 г. № 284-ФЗ²,

который ввел в Налоговый кодекс Российской Федерации гл. 32 «Налог на имущество физических лиц».

Согласно этому закону налоговой базой вместо инвентаризационной стоимости признается кадастровая стоимость объектов недвижимости.

Под кадастровой стоимостью понимается стоимость, установленная в результате проведения государственной кадастровой оценки³.

Сведения о кадастровой стоимости объекта представляются в налоговый орган Единым государственным реестром прав на недвижимое имущество и сделок с ним по состоянию на 1 января года, за который уплачивается налог, а если объект новый (образован в течение года) – на дату его регистрации.

Кадастровая стоимость может быть пересмотрена в течение года. В общем

© Павлова Н. Е., Фомина Т. А., 2016

¹ Новый налог на недвижимость: плюсы и минусы / С. В. Домнина [и др.] // Основы экономики, упр. и права. 2014. № 6(18). С. 28–31.

² Рос. газ. 2014. 8 окт.

³ О государственной кадастровой оценке : федер. закон от 3 июля 2016 г. № 237-ФЗ. Ст. 3 // Рос. газ. 2016. 6 июля.

случае налоговая инспекция не учтет такое изменение стоимости при расчете налога, т. е. пересчитывать налог ни за текущий налоговый период, ни за предыдущие периоды она не будет.

Еще одним нововведением Федерального закона от 4 октября 2014 г. № 284-ФЗ стало изменение ставок налога на имущество физических лиц. В соответствии с тем, что налог на имущество физических лиц является местным налогом, муниципалитеты должны были установить налоговые ставки, не превышающие установленных в ст. 406 Налогового Кодекса Российской Федерации.

Законодательным собранием Владимирской области 18 ноября 2014 г. принят Закон № 134-ОЗ «Об установлении единой даты начала применения на территории Владимирской области порядка определения налоговой базы исходя из кадастровой стоимости объектов налогообложения по налогу на имущество физических лиц» (далее: Закон), который вступил в законную силу с 1 января 2015 г.¹

В соответствии с порядком начисления и уплаты налога уведомления и извещения об уплате суммы налога за 2015 г., определенной по кадастровой стоимости, жители получили в 2016 г.

Если рассматривать общую налоговую нагрузку, то она не стала существенно обременительней, в том числе в связи с тем, что с 1 января 2015 г. отменен земельный налог под многоквартирными домами, которым облагались земельные участки, входящие в состав общего имущества многоквартирного дома.

Нужно отметить, что новый Закон имеет социальную ориентированность, так как предусматривает систему вычетов: не будет облагаться налогом

20 кв. м площади квартиры, 50 кв. м площади индивидуальных домов и 10 кв. м площади комнат. Ставки налога таковы: 0,5 % – для нежилых помещений, 0,1 % для основной массы жилья и 2 % для объектов дороже 300 млн руб.

Сохраняются действующие льготы для социально незащищенных категорий. Пенсионеры не будут уплачивать налог с одного объекта недвижимости каждого вида (квартира, жилой дом, гараж).

Важно, что Закон предусматривает поэтапное повышение платежей – не более 20 % в год. Так, в 2016 г. граждане заплатили 1/5 часть исчисленного налога. То есть в стопроцентном объеме жители Владимирской области заплатят налог только в 2020 г.

Максимально увеличится налог для владельцев большой и дорогой недвижимости, а хозяев скромного жилья повышение затронет в меньшей степени, причем сумма налога уменьшится.

Например, двухкомнатная типовая квартира имеет следующие характеристики: площадь 50,5 кв. м, инвентаризационная стоимость 186 534 руб., кадастровая стоимость этой же квартиры, по данным Росреестра, 196 014 руб., ставка налога до 1 января 2015 г. составляет 0,08 %, а с 1 января 2015 г. – 0,1 %.

Сумма налога до 1 января 2015 г. за данную квартиру, исходя из инвентаризационной стоимости, составляет 149 руб. (186 534 × 0,08%).

Сумма налога с 1 января 2015 г., исходя из кадастровой стоимости, будет рассчитана следующим образом: кадастровая стоимость квадратного метра данной квартиры – 3 881 руб. (196 014 : 50,5), размер налогового вычета составит 77 629 руб. (3 881 × 20). В результате налоговая база будет равняться 118 385 рублей (196 014 – 77 629). Рассчитываем налог: 118 385 × 0,1% = 118 руб.

¹ Владим. ведомости. 2014. 19 нояб.

Если разница между суммой налога, исчисленного с кадастровой стоимости (118 руб.), и суммой налога, исчисленной с инвентаризационной стоимости (149 руб.), принимает отрицательное (как в нашем примере) или нулевое значение, то понижающий коэффициент не применяется.

В противоположном случае при исчислении налога будет применен понижающий коэффициент: для первого года – 0,2, а для последующих лет – 0,4, 0,6 и 0,8 соответственно.

Налог на имущество физических лиц полностью зачисляется в местные бюджеты и имеет целевое назначение – на благоустройство. С введением нового законодательства муниципальные образования дополнительно получают налог с тех объектов, которые сейчас выпали из налогообложения. Например, согласно действующему законодательству застройщики вводят в эксплуатацию

жилые дома без проведения технической инвентаризации, аналогичная ситуация складывается и по объектам незавершенного строительства. В связи с этим отсутствует база для начисления налога, а в местных бюджетах возникают значительные выпадающие доходы.

Резюмируя вышеизложенное, можно сказать, что изменение механизма расчета имущественного налога в России находится в стадии реформирования. Однако любые изменения в налоговом законодательстве всегда сопровождаются подготовительной работой. Переоценка недвижимости с учетом кадастровой стоимости – это трудоемкий и затратный процесс, от точности которого будет зависеть подлежащая к уплате сумма налога. Кадастровая оценка имущества при расчете налога сильно увеличит налоговую нагрузку, поэтому властям очень важно выработать политику социальной защиты собственников имущества.

Библиографический список

1. Новый налог на недвижимость: плюсы и минусы / С. В. Домнина [и др.] // Основы экономики, упр. и права. – 2014. – № 6(18). – С. 28–31.
2. О внесении изменений в статьи 12 и 85 части первой и часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации и признании утратившим силу Закона Российской Федерации «О налогах на имущество физических лиц»: федер. закон от 4 окт. 2014 г. № 284-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2014. – № 40, ч. II, ст. 5315.
3. О государственной кадастровой оценке: федер. закон от 3 июля 2016 г. № 237-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2016. – № 27, ч. I, ст. 4170.
4. Об установлении единой даты начала применения на территории Владимирской области порядка определения налоговой базы исходя из кадастровой стоимости объектов налогообложения по налогу на имущество физических лиц: закон Владим. обл. от 18 нояб. 2014 г. № 134-ОЗ // Владим. ведомости. – 2014. – 19 нояб.

Bibliographic list

2. Federal Law «On Amending Articles 12 and 85 of Part One and Part Two of the Tax Code of the Russian Federation and Recognizing the Effect of the Law of the Russian Federation “On Personal Property Taxes”». *Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii*. 2014. No. 40, part II, art. 5315.
3. Federal Law of 03.07.2016 No. 237-FZ «On State Cadastral Valuation». *Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii*. 2016. No. 27, part I, art. 4170.
4. Law of the Vladimir Region of 18.11.2014 No. 134-OZ «On the Establishment of a Unified Date for the Application in the Territory of the Vladimir Region of the Procedure for Determining the Tax Base Based on the Cadastral Value of Objects of Taxation on Property Tax of Individuals». *Vladimirskie Vedomosti*. 2014. Nov. 19.
5. *Domnina S.V., Ajgorova T.P., Ismagilova I.O., Sadovnikova S.V.* New Property Tax: the Pros and Cons. *Osnovy' E'konomiki i Prava*. 2014. No. 6(18). P. 28–31.

С. А. Пичугин, И. А. Тараканов

**КРИТЕРИИ ИСПРАВЛЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ, УЧИТЫВАЕМЫЕ
ПРИ УСЛОВНО-ДОСРОЧНОМ ОСВОБОЖДЕНИИ ОТ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ**

Аннотация. Статья посвящена особенностям установления и оценки степени исправления осужденного, позволяющей суду сделать вывод о целесообразности применения к такому лицу условно-досрочного освобождения от отбывания наказания. Предлагается применение ряда критериев при решении вопроса об условно-досрочном освобождении, что позволит сделать более объективной оценку претендента на условно-досрочное освобождение, индивидуально и, главное, правильно решить вопрос о необходимости дальнейшего отбывания им наказания.

Ключевые слова: условно-досрочное освобождение, осужденный, критерии, исправление, наказание.

S. A. Pichugin, I. A. Tarakanov

**THE CRITERIA OF CORRECTION CONDEMNED CONSIDERED
AT PAROLE FROM SERVING A SENTENCE**

Abstract. The article is devoted to the peculiarities of the determination and evaluation of the degree of correction of the convicted person, which allows the court to make a conclusion about the appropriateness of such person parole from punishment. It is proposed to use a set of criteria in deciding whether to parole, which would make a more objective assessment of the applicant for parole, individually and, most importantly, the right to resolve the issue of the need to further serving their sentences.

Key words: grant of parole, convicted, criteria, correction, punishment.

Суды в своей практике достаточно часто рассматривают материалы, касающиеся условно-досрочного освобождения от отбывания наказания. Так, за первое полугодие 2016 г. в Российской Федерации были рассмотрены ходатайства об условно-досрочном освобождении в отношении 59 040 осужденных, условно-досрочно освобождено 26 076, или 44,2%¹.

© Пичугин С. А., Тараканов И. А., 2016

¹ Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Ведомственное статистическое наблюдение. Форма № 1. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел за 6 месяцев 2016 года. Разд. 4. Рассмотрение представлений, ходатайств и жалоб (по числу лиц). URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3577> (дата обращения: 05.09.2016).

Действительно, если очевидно, что цель исправления осужденного может быть достигнута без полного отбывания назначенного ему наказания, то дальнейшее исполнение наказания становится нецелесообразным. Установленная законом возможность применения досрочного освобождения от реального отбывания наказания является, с одной стороны, средством поощрения осужденных, вставших на путь исправления, а с другой – стимулом для примерного поведения осужденных во время отбывания ими наказания и последующего освобождения от него, что соответствует основным направлениям повышения эффективности деятельности ФСИН России, обозначенным в Концепции развития уголовно-исполнительной

системы Российской Федерации до 2020 года¹.

Уголовное законодательство позволяет применить условно-досрочное освобождение от отбывания наказания в отношении практически каждого осужденного к видам наказания, указанным в ч. 1 ст. 79 УК РФ. В связи с этим можно утверждать, что в этом виде досрочного освобождения от наказания нашли отражение принципы гуманизма и справедливости.

Вместе с тем пробелы в законодательном регулировании снижают эффективность условно-досрочного освобождения от отбывания наказания. Практика в настоящее время характеризуется отсутствием единообразного подхода к признанию осужденного не нуждающимся в дальнейшем отбывании назначенного судом наказания. Наблюдаемое вследствие этого в последние годы снижение числа условно-досрочно освобожденных сдерживает темпы сокращения численности спецконтингента и имеет ряд негативных социально-психологических последствий: например, утрата веры осужденными в возможность досрочного освобождения от наказания, ухудшение морально-психологического климата в исправительных учреждениях.

Указанные обстоятельства актуализируют вопросы совершенствования законодательной регламентации условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, а также последующей социальной адаптации освобожденных лиц.

¹ Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. : утв. распоряжением Правительства Рос. Федерации от 14 окт. 2010 г. № 1772-р : [в ред. от 23 сент. 2015 г. № 1877-р] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 43, ст. 5544 ; 2015. № 40, ст. 5581.

Следует отметить, что в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года этим вопросам уделяется особое внимание в рамках перехода от карательной системы исполнения наказания к вопросам совершенствования ресоциализации осужденных.

В качестве общих критериев исправления претендента на условно-досрочное освобождение уголовный закон (ч. 4¹ ст. 79 УК РФ) называет:

- поведение осужденного;
- отношение осужденного к учебе и труду в течение всего периода отбывания наказания, в том числе имеющиеся поощрения и взыскания;
- отношение осужденного к совершенному деянию;
- степень возмещения осужденным (частично или полностью) ущерба или иное заглаживание вреда, причиненного в результате преступления.

Кроме того, суд обязан рассмотреть заключение администрации исправительного учреждения о целесообразности условно-досрочного освобождения осужденного.

Вместе с тем указанные критерии не всегда позволяют суду в конкретном деле оценить степень исправления каждого осужденного, реальную степень компенсации материального ущерба потерпевшему и другие обстоятельства, важные для применения условно-досрочного освобождения. Степень исправления на практике обычно определяется отсутствием у кандидата на условно-досрочное освобождение каких-либо взысканий, его участием в жизни исправительного учреждения, отношением к учебе/работе.

Однако влияние указанных критериев на принятие решения об условно-досрочном освобождении, как было нами отмечено выше, может различаться в зависимости от конкретных обстоятельств и степени их оценки судами. Проблемой является и отсутствие в законе четких формулировок, определяющих содержание критериев исправления осужденных. Таким образом, совершенствованию условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, повышению его эффективности будет способствовать правильное установление степени исправления кандидата на такое освобождение, в том числе определение, закрепление и реализация на практике точных, взвешенных, достаточно четко определенных критериев исправления осужденного. Следовательно, существует необходимость в разработке таких критериев.

Вместе с тем необходимо учитывать существенное изменение позиции высшей судебной инстанции об условиях применения условно-досрочного освобождения, в том числе и о содержании критериев исправления претендента на условно-досрочное освобождение, отраженное в положениях постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 ноября 2015 г. № 51¹.

Прежде всего, следует учесть, что оценка поведения осужденного должна осуществляться за весь период отбывания наказания, а не только за время, непосредственно предшествующее рассмотрению ходатайства. При этом наличие взысканий не может само по себе служить препятствием для условно-досрочного освобождения от

¹ Рос. газ. 2015. 30 нояб.

отбывания наказания, так как должны быть установлены конкретные обстоятельства, тяжесть и характер допущенного нарушения (например, вряд ли, могут служить препятствием к условно-досрочному освобождению такие нарушения, как ношение одежды не установленного образца, нахождение без разрешения администрации на спальных местах в не отведенное для сна время). Таким образом, суды должны принимать во внимание всю совокупность имеющихся сведений о поведении осужденного.

Мы солидарны с профессором В. И. Селивёрстовым, который полагает, что основным, приоритетным критерием для условно-досрочного освобождения от отбывания наказания должна стать «степень сохранения и (или) восстановления социально полезных связей осужденного»², которая характеризуется следующим содержанием:

а) наличие у лица, претендующего на условно досрочное освобождение, постоянного места жительства или пребывания (на арендованной или собственной жилой площади, в реабилитационном центре, при монастыре и т. д.);

б) наличие гарантированной перспективы трудоустройства, подтвержденной документами организаций и (или) органов местного самоуправления;

в) поддержание или восстановление связи с семьей и близкими родственниками (заключение брака, переписка, телефонные разговоры, свидания и видеосвидания);

² Селивёрстов В. И. Уголовно-правовые и уголовно-исполнительные проблемы условно-досрочного освобождения // Уголов. право. 2015. № 3. С. 129–130.

г) материальная поддержка осужденного семьей и близкими родственниками, а равно материальная поддержка осужденным семьей и близких родственников (получение и отправление денежных переводов, бандеролей, посылок и передач);

д) получение профессии (повышение квалификации), общего образования;

е) повышение своего культурного уровня, расширение кругозора, раскрытие творческих способностей, которые могут после освобождения стать стимулом к правопослушному поведению;

ж) стремление к излечению от социально негативных и опасных заболеваний (алкоголизма, наркомании, токсикомании, заболеваний, передающихся половым путем, туберкулеза и психических расстройств) и т. п.¹

Полагаем, что с учетом положений ч. 4¹ ст. 79 УК РФ перечисленные В. И. Селивёрстовым условия сохранения и (или) восстановления социально полезных связей осужденного могут быть указаны в заключении администрации исправительного учреждения о целесообразности условно-досрочного освобождения осужденного.

Мы также разделяем мнение В. И. Селивёрстова о том, «что при решении вопроса об УДО необходимо учитывать мнение комиссии ИУ по оценке поведения осужденных и определению условий отбывания наказания; комиссия включает в свой состав представителей администрации ИУ, общественности... Выводы комиссии могут не совпадать с мнением администрации ИУ, изложенным в заключении, направляемом в суд. Тем более является

¹ Селиверстов В.И. Указ. соч.

ценным учет данных выводов при решении вопроса об УДО»².

Не секрет, что лица, условно-досрочно освобожденные от отбывания наказания, могут являться значительный криминогенным потенциалом, активизацию которого следует предупредить.

Так, по данным исследования, проведенного В. В. Городнянской, постпенитенциарный рецидив среди освобожденных из исправительной колонии общего режима условно-досрочно и в связи с заменой наказания более мягким составил 68 % (по отбытии срока – 47 %), при освобождении из исправительной колонии строгого режима – соответственно 39 % и 21 %³. Эти показатели характеризуют тот отрезок времени, когда удовлетворение ходатайств осужденных об условно-досрочном освобождении доходило до 85 %⁴.

В связи с этим актуальным является вопрос об установлении категорий лиц, представляющих опасность возможного рецидива преступлений, применение условно-досрочного освобождения к которым следует осуществлять с особой осторожностью, исследуя максимальный объем имеющихся данных.

Представляется, что можно выделить следующие категории таких осужденных:

а) совершившие умышленное преступление в течение назначенного судами испытательного срока условного осуждения;

² Там же.

³ Городнянская В. В. Постпенитенциарный рецидив : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2011. С. 11 ; Селиверстов В. И. Указ. соч. С. 126–127.

⁴ Селиверстов В.И. Указ. соч. С. 126-127.

б) злостно нарушающие установленный порядок отбывания наказания;

в) ранее освобождавшиеся от отбывания наказания условно-досрочно;

г) ранее освобождавшиеся от отбывания наказания по амнистии;

д) ранее освобождавшиеся от отбывания наказания актом помилования;

е) которым ранее производилась замена назначенного судами наказания более мягким наказанием.

Эти же категории названы в п. 2 Положения о порядке рассмотрения ходатайств о помиловании в Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 28 декабря 2001 г. № 1500 «О комиссиях по вопросам помилования на территориях субъектов Российской Федерации»¹, в качестве осужденных, в отношении которых, как правило, помилование не применяется.

Вместе с тем, согласно постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 апреля 2009 г. № 8 (в ред. от 17 ноября 2015 г.)², сам по себе факт предыдущей судимости не может рассматриваться судом в качестве препятствия для применения условно-досрочного освобождения. В связи с этим, развивая предложение В. И. Селиверстова, можем предложить следующие критерии для вывода о нецелесообразности условно-досрочного освобождения осужденного.

Полагаем, что приоритетной для отказа в условно-досрочном освобождении от отбывания наказания должна стать степень утраты социально полезных связей осужденного, которая выражается в отсутствии у лица:

а) постоянного места жительства или пребывания после освобождения;

б) гарантированной перспективы трудоустройства (отсутствуют подтверждающие документы организаций и (или) органов местного самоуправления);

в) связи с семьей и близкими родственниками (расторжение брака, отсутствие переписки, телефонных разговоров, свиданий и видеосвиданий);

г) материальной поддержки осужденного семьей и близкими родственниками, а равно материальной поддержки осужденным семьи и близких родственников (отсутствие полученных и отправленных денежных переводов, бандеролей, посылок и передач);

д) стремления к получению профессии (повышению квалификации), общего образования;

е) стремления к повышению своего культурного уровня, расширению кругозора, развитию творческих способностей;

ж) стремления к излечению от социально негативных и опасных заболеваний (алкоголизма, наркомании, токсикомании, заболеваний, передающихся половым путем, туберкулеза и психических расстройств) и т. п.

Признаки, отражающие степень утраты социально полезных связей осужденного, могут быть указаны в заключении администрации исправительного учреждения о нецелесообразности условно-досрочного освобождения осужденного.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что основным, приоритетным критерием для условно-досрочного освобождения от от-

¹ Рос газ. 2001. 30 дек.

² Бюл. Верхов. Суда Рос. Федерации. 2009. № 7.

бывания наказания должна стать степень сохранения и (или) восстановления социально полезных связей осужденного, которая имеет вполне конкретное содержание. Полагаем, что именно данный критерий следует отражать в заключении администрации исправительного учреждения о целесообразности условно-досрочного освобождения.

Вывод суда об исправлении лица, отбывающего любой из указанных в ч. 1 ст. 79 УК РФ видов наказаний, должен быть основан на всестороннем учете данных о его поведении на протяжении всего срока наказания, а не только во время, непосредственно предшествующее рассмотрению вопроса об освобождении. Такой вывод суд может сделать лишь после более или менее продолжительного отбывания наказания осужденным. Именно поэтому обязательным условием применения условно-досрочного освобождения согласно закону выступает фактическое отбытие осужденным определенной части назначенного судом наказания.

Итак, основанием для вывода суда о применении условно-досрочного освобождения от отбывания наказания должна быть совокупность данных как об отбытии определенной части срока наказания, так и данных, всесторонне характеризующих личность осужденного. Только в этом случае можно считать, что данным лицам для их окончательного исправления не требуется полностью отбывать назначенное судом наказание.

Полагаем, что применение на практике рассмотренных нами критериев позволит сделать более объективной оценку претендента на условно-досрочное освобождение, индивидуально и, главное, правильно решить вопрос о необходимости дальнейшего отбывания им наказания. В свою очередь, это повысит эффективность условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, будет способствовать реализации на практике принципов справедливости и гуманизма, заложенных законодателем в данный вид досрочного освобождения от отбывания наказания.

Библиографический список

1. *Городнянская В. В.* Постпенитенциарный рецидив : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Городнянская Валентина Валерьевна. – Томск, 2011. – 22 с.
2. Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года : утв. распоряжением Правительства Рос. Федерации от 14 окт. 2010 г. № 1772-р : [в ред. от 23 сент. 2015 г. № 1877-р] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2010. – № 43, ст. 5544 ; 2015. – № 40, ст. 5581.
3. О внесении изменений в постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 апреля 2009 года № 8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания» и от 20 декабря 2011 года № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора» : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 17 нояб. 2015 г. № 51 // Рос. газ. – 2015. – 30 нояб.
4. О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 21 апр. 2009 г. № 8 // Рос. газ. – 2009. – 29 апреля.
5. *Селивёрстов В. И.* Уголовно-правовые и уголовно-исполнительные проблемы условно-досрочного освобождения / В. И. Селиверстов // Уголов. право. – 2015. – № 3. – С. 97–101.

References

1. *Gorodnianskaia V. V.* Post-penitentiary relapse. Tomsk, 2011. 22 p.
2. The concept of development criminally-Executive system of the Russian Federation until 2020. *Sobranie Zakonodatelstva Rossijskoj Federacii*. 2010. No. 43, art. 5544; 2015. No. 40, art. 5581.
3. On amendments to resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of April 21, 2009 No. 8 «On judicial practice of parole from punishment, replacement of the unserved part of punishment by softer kind of punishment» and dated 20 December 2011 No. 21 «About practice of application by courts of the legislation on the execution of the sentence». *Rossijskaya Gazeta*. 2015. Nov. 30.
4. On judicial practice of parole from punishment, replacement of the unserved part of punishment by softer kind of punishment. *Rossijskaya Gazeta*. 2009. Apr. 29.
5. *Selivyaorstov V. I.* Criminally-legal and criminally-Executive problems of parole. *Ugolovnoe Pravo*. 2015. No. 3. P. 97–101.

Н. В. Урлеков

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ПРОВОКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Аннотация. Все чаще в последнее время участниками уголовного судопроизводства в качестве одного из аргументов защиты о невиновности используется термин «провокация преступления». Понятие провокации преступления с установлением за это уголовной ответственности прямо закреплено в уголовных законах Грузии, Франции ряда государств. В свою очередь, содержание понятия провокации в Об части УК РФ не раскрывается и не входит в законодательно закрепленный инструментарий терминов. В Особенной части УК РФ оно встречается дважды: в ст. 304 УК РФ (провокация взятки либо коммерческого подкупа) и ст. 360 УК РФ (нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой, совершенное в целях провокации войны или осложнения международных отношений). В первом случае провокация – способ совершения преступления, во втором случае – его конечная цель. В связи с изложенным в статье рассматриваются отдельные аспекты практики применения и перспективы внедрения термина провокация в практику уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: преступление, провокация преступления, провокационно-подстрекательские действия, уголовная ответственность

N. V. Urlekov

THE LEGAL NATURE OF THE PROVOCATION CRIMES

Abstract. More and more recently, participants in criminal proceedings use the term “provocation of a crime” as one of the arguments for the defense of innocence. The concept of provocation of a crime with the establishment of criminal responsibility for this is directly enshrined in the criminal laws of Georgia and France of a number of states. In turn, the content of the concept of provocation in the part of the Criminal Code is not disclosed and is not included in the legislatively fixed tools of terms. In the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation, it occurs twice: in Art. 304 of the Criminal Code (provocation of a bribe or commercial bribery) and art. 360 of the Criminal Code of the Russian Federation (an attack on persons or institutions that enjoy international protection committed with a view to provoking war or complicating international relations). In the first case, provocation is a way of committing a crime, in the second case, its ultimate goal. In connection with the above, the article examines certain aspects of the practice of application and the prospects for introducing the term provocation into the practice of criminal justice.

Key words: crime, provocation of crime, provocative-inflammatory actions, criminal responsibility

Все чаще в последнее время участниками уголовного судопроизводства в качестве одного из аргументов защиты о невиновности используется термин «провокация преступления». Понятие провокации преступления с установлением за это уголовной ответственности прямо закреплено в уголовных законах Грузии, Франции и ряда других государств. В свою очередь, со-

держание понятия провокации в Общей части УК РФ не раскрывается и не входит в законодательно закрепленный инструментарий терминов. В Особенной части УК РФ оно встречается дважды: в ст. 304 УК РФ (провокация взятки либо коммерческого подкупа) и ст. 360 УК РФ (нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой, совершенное в целях провокации войны или ослож-

нения международных отношений). В первом случае провокация – способ совершения преступления, во втором случае – его конечная цель.

На основании ст. 5 Федерального Закона «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (далее: ФЗ об ОРД) органам и должностным лицам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность (далее: ОРД), не разрешено ее осуществление для достижения целей и задач, не предусмотренных данным Федеральным законом, в частности, запрещается подстрекать, склонять, побуждать в прямой или косвенной форме (иными словами, провоцировать) к совершению противоправных действий, а равно фальсифицировать результаты ОРД¹. Аналогичный запрет на совершение провокационных действий закреплен и в ч. 3 ст. 6 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»².

Представляется, подобная законодательная регламентация провокации для ее правильного понимания требует более детального исследования с обращением к практике Верховного Суда РФ и решениям Европейского суда по правам человека (далее: ЕСПЧ). Начнем с определения содержания данного термина и его соотношения с понятием провокационно-подстрекательских действий.

Согласно толковому словарю В. И. Даля провокатором является «вызыватель, возбудитель, науськиватель, кто умышленно возбуждает толпу и вообще народ с целью вызвать возмущение и беспорядки. Провокация есть возбуждение, призыв к возмущению. Провоцировать значит заниматься провокационными

действиями»³. Провокация в целом – предательское поведение, подстрекательство кого-либо к таким действиям, которые могут повлечь за собой тяжкие для него последствия⁴.

Как справедливо отмечает профессор Б. В. Волженкин, анализируя положения ст. 304 УК РФ, суть провокации состоит в том, что провокатор сам возбуждает у другого лица намерение совершить преступление с целью последующего изобличения этого лица либо его шантажа, создания зависимого положения и пр⁵.

Продолжая свою мысль, Б. В. Волженкин говорит о немалом числе нравственно нестойких людей, которые никогда не решатся совершить преступления по своей инициативе, если их к этому не подталкивать, склонять, уговаривать, соблазнять, а именно это и делает провокатор, выступающий подстрекателем к совершению преступления.

Другое дело, простое предоставление возможности совершить преступление, без элементов подстрекательства к нему. Так, не возникает сомнений в правомерности действий работников ОСБ подразделений полиции, когда они на глазах у инспектора ГИБДД сознательно нарушают правила дорожного движения, чтобы проверить, как последний поведет себя в этой ситуации. И если он потребует взятку, его действия никак не могут считаться спровоцированными.

Добавим к этому, что исключается провокация и в ситуации, когда пре-

¹ Рос. газ. 1995. 18 авг.

² Парламент. газ. 2011. 11–17 февр.

³ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 2012. С. 383.

⁴ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1997. С. 607.

⁵ Волженкин Б. В. Допустима ли провокация как метод борьбы с коррупцией? // Рос. юстиция. 2001. № 5. С. 43–45.

ступление уже совершено (совершается) или подготовлено.

Исходя из разъяснений, содержащихся в п. 32 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» от 9 июля 2013 г. № 24, ответственность за провокацию взятки либо коммерческого подкупа (ст. 304 УК РФ) наступает лишь в случае, когда 1) попытка передачи денег, ценных бумаг, иного имущества или оказания услуг имущественного характера осуществлялась в целях искусственного формирования доказательств совершения преступления или шантажа и 2) должностное лицо либо лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации, заведомо для виновного не совершало действия, свидетельствующие о его согласии принять взятку либо предмет коммерческого подкупа, или отказалось их принять¹.

Провокация взятки или коммерческого подкупа является оконченным преступлением с момента передачи имущества либо оказания услуг имущественного характера без ведома должностного лица или лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации, либо вопреки их отказу принять незаконное вознаграждение.

Спорным (в теоретическом смысле) представляется разъяснение приведенного Пленума Верховного Суда РФ о том, что «передача в вышеуказанных целях должностному лицу либо лицу, выполняющему управленческие функции в коммерческой или иной организации, имущества, оказание им услуг

¹ Бюл. Верхов. Суда Рос. Федерации. 20013. № 9.

имущественного характера, если указанные лица согласились принять это незаконное вознаграждение в качестве взятки или предмета коммерческого подкупа, исключают квалификацию содеянного по статье 304 УК РФ». Получается, что при отказе должностного лица принять незаконное вознаграждение, действия провокатора (при наличии соответствующей цели) образуют состав преступления, если же провокация удалась и денежное вознаграждение принято, квалификация содеянного по ст. 304 УК РФ исключается.

Интересной в связи с этим, на наш взгляд, представляется позиция Б. В. Волженкина, который под провокацией взятки понимал совершаемую не по инициативе должностного лица (не по его предложению или требованию) удавшуюся или неудавшуюся передачу ему имущественных ценностей или услуг (выгод) с целью последующего его уличения в получении взятки. Определение провокации взятки как «попытки передачи» вовсе не означает отсутствие данного состава преступления, если передача предмета взятки состоялась. По его мнению, используя такое описание при усеченном составе преступления, законодатель просто переносит момент его окончания на более раннюю стадию, не связывая состав взятки или коммерческого подкупа с той или иной реакцией провоцируемого лица².

Кроме того, от преступления, предусмотренного ст. 304 УК РФ, следует отграничивать подстрекательские действия сотрудников правоохранительных органов, спровоцировавших должностное лицо или лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации, на

² Волженкин Б. В. Указ. соч.

принятие взятки или предмета коммерческого подкупа (п. 34 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24).

Указанные действия совершаются в нарушение требований ст. 5 ФЗ об ОРД и состоят в передаче взятки или предмета коммерческого подкупа с согласия или по предложению должностного лица либо лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации, когда такое согласие либо предложение было получено в результате склонения этих лиц к получению ценностей при обстоятельствах, свидетельствующих о том, что без вмешательства сотрудников правоохранительных органов умысел на их получение не возник бы и преступление не было бы совершено.

Принятие должностным лицом либо лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, при указанных обстоятельствах денег, ценных бумаг, иного имущества или имущественных прав, а равно услуг имущественного характера не может расцениваться как уголовно наказуемое деяние. В этом случае в содеянном отсутствует состав преступления.

Данное разъяснение наглядно иллюстрирует следующий пример.

По приговору Советского районного суда г. Казани от 1 августа 2012 г. М. осужден по ч. 3 ст. 204 УК РФ (в ред. от 4 мая 2011 г. № 97-ФЗ).

Из материалов уголовного дела усматривается, что 19 августа 2011 г. к М., являвшемуся председателем правления садового некоммерческого товарищества «Г», обратился Ф., оперуполномоченный отдела МВД по Республике Татарстан, который действовал в рамках

оперативно-розыскного мероприятия (далее: ОРМ) «оперативный эксперимент», с просьбой выдать ему за деньги справку, содержащую ложные сведения о том, что получатель справки выращивает на участке в садовом товариществе «Г» сельскохозяйственную продукцию, и дающую основание для предоставления торгового места на рынке. Для получения доказательств сотрудниками правоохранительных органов была использована помощь Ф. Е., действовавшей в рамках ОРМ, которая 20 и 25 августа 2011 г. обращалась к М. от имени Ф. с просьбой выдать ей за деньги данную справку.

Между тем в уголовном деле нет доказательств, что М. совершил бы преступление без вмешательства сотрудников правоохранительных органов, в частности Ф.

Из представленных суду доказательств следует, что фактически ОРМ в отношении М. были начаты 19 августа 2011 г. с участием оперуполномоченного Ф., а затем продолжены 20 и 25 августа 2011 г. с участием Ф. Е., действовавшей по просьбе самих оперативных сотрудников, т. е., до появления процессуального основания.

Данное обстоятельство судом оставлено без внимания, обоснованность принятия постановления о проведении ОРМ «оперативный эксперимент» в отношении М. судом не обсуждалась.

Судом также не выяснено, из каких источников получена оперативная информация о том, что М. за выдачу различных официальных справок с реквизитами садового некоммерческого товарищества незаконно требует с граждан денежное вознаграждение. В материалах дела информация, подтверждающая данные сведения, отсутствует, суду органами,

осуществляющими ОРД, она представлена не была.

Данные обстоятельства свидетельствуют о том, что действия сотрудников полиции по данному уголовному делу совершены в нарушение требований ст. 5 ФЗ об ОРД и были направлены на склонение М. к получению незаконного вознаграждения при обстоятельствах, свидетельствующих о том, что без вмешательства сотрудников правоохранительных органов умысел на получение незаконного вознаграждения у М. не возник бы и инкриминируемое ему деяние не было бы совершено.

Принятие же М. денежных средств в сумме 5 000 рублей в результате склонения его к совершению преступления не может расцениваться как уголовно наказуемое деяние, в содеянном отсутствует состав преступления.

Учитывая изложенное, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ приговор и последующие судебные решения в отношении М. отменила, уголовное дело прекратила на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, признав за М. право на реабилитацию¹.

Похожий пример в своей статье приводит В. Борков, анализируя оправдательный приговор, вынесенный по факту получения фельдшером Ш. взятки за выдачу листка нетрудоспособности. Основанием оправдания явилось то обстоятельство, что из показаний свидетелей – сотрудников полиции – невозможно было сделать вывод о том, что на момент принятия решения о проведении в отношении Ш. оперативного эксперимента они располагали све-

дениями о конкретных, фактических обстоятельствах, подтверждающих обоснованность подозрения Ш. в получении взяток и свидетельствующих о том, что такие действия были бы совершены Ш. без их вмешательства² (см. определение Верховного Суда РФ от 17 января 2013 г. № 87-О12-15³).

Не могут приниматься во внимание и голословные утверждения сотрудников полиции о том, что они располагали секретной информацией о получении тем или иным лицом взяток, если эта информация не была рассекречена в установленном законом порядке и представлена суду⁴.

Отдельного внимания заслуживает рассмотрение понятия провокационных действий в сфере наркопреступности, поскольку из требований справедливого суда по ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод следует, что общественные интересы в борьбе против наркоторговли не могут оправдать использование доказательств, полученных в результате провокации правоохранительных органов⁵.

Согласно разъяснениям, содержащимся в п. 14 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 (с учетом последних изменений от 30 июня 2015 г.) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами,

² Борков В. Квалификация провокационно-подстрекательских действий сотрудников правоохранительных органов // Уголов. право. 2015. № 1. С. 16–21.

³ Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Определение Верхов. Суда Рос. Федерации от 31 янв. 2012 г. № 11-О12-1. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Бюл. междунар. договоров. 2001. № 3.

¹ Определение Верхов. Суда Рос. Федерации от 29 окт. 2013 г. № 11-Д13-33. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами», в тех случаях, когда материалы уголовного дела о преступлении рассматриваемой категории содержат доказательства, полученные на основании результатов ОРМ, судам следует иметь в виду, что для признания законности проведения такого мероприятия необходимо, чтобы оно осуществлялось для решения задач, определенных в ст. 2 ФЗ об ОРД, при наличии оснований и с соблюдением условий, предусмотренных соответственно ст. 7 и 8 ФЗ об ОРД¹.

Исходя из этих норм, в частности, ОРМ, направленное на выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступления, а также выявление и установление лица, его подготавливающего, совершающего или совершившего, может проводиться только при наличии у органа, осуществляющего ОРД, сведений об участии лица, в отношении которого осуществляется такое мероприятие, в подготовке или совершении противоправного деяния.

Результаты ОРМ могут использоваться в доказывании по уголовному делу, если они получены и переданы органу предварительного расследования или суду в соответствии с требованиями закона и свидетельствуют о наличии у лица умысла на незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, сформировавшегося независимо от деятельности сотрудников органов, осуществляющих ОРД.

¹ Рос. газ. 2006. 28 июня.

Приведенные позиции сформулированы на основании ряда решений ЕСПЧ в отношении РФ, констатировавших, что государственные интересы в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотиков и коррупцией не могут обосновывать использование доказательств, полученных в результате провокации, поскольку применение таких доказательств подвергнет обвиняемого риску окончательно лишиться справедливого судебного разбирательства с самого начала. Конвенция о защите прав человека и основных свобод не запрещает ссылку на информацию, полученную от анонимных информаторов на стадии предварительного расследования. Однако если преступление спровоцировано действиями тайных агентов и ничто не предполагало, что оно было бы совершено без вмешательства правоохранительных органов, то эти действия представляют собой подстрекательство к совершению преступления. Одновременно ЕСПЧ определил следующее: простое заявление сотрудников полиции о том, что они располагали информацией о причастности заявителя к совершению преступлений, не может приниматься во внимание (см. постановления ЕСПЧ по делам Ваньян против РФ от 15 декабря 2005 г. и Банникова против РФ от 4 ноября 2010 г.).

Применение этих положений, как отмечают А. Н. Зенкин и О. В. Бондаренко, можно увидеть на примере определения Верховного Суда РФ от 7 декабря 2010 г. № 50-Д10-22, в котором суд признал, что ОРМ «проверочная закупка» проведено лишь на основании заявления К., добровольно изъявившего желание оказать помощь сотрудникам милиции. При этом как сам К., так и оперативные сотрудники не обладали информаци-

ей о том, что Л. занимается сбытом либо имеет самостоятельный умысел на сбыт наркотических средств. Выступая в роли покупателя при проведении проверочных закупок, К. неоднократно настойчиво звонил осужденному, прежде чем договориться с ним о продаже марихуаны. Не может быть использована в качестве такой информации и предыдущая судимость Л. по приговору от 2002 г. за сбыт наркотического средства, поскольку она погашена в соответствии с ч. 6 ст. 86 УК РФ¹.

С учетом обстоятельств по конкретному делу, по мнению ЕСПЧ, признаками существующей криминальной деятельности или намерения могут служить явная осведомленность лица о действующих ценах на наркотики и его способность незамедлительно достать их (решение ЕСПЧ по делу «Шаннон против Соединенного Королевства»), материальная выгода от сделки (постановление ЕСПЧ по делу «Худобин против РФ»)².

Напротив, примером провокации являются ситуации, когда полицейские (их агенты) неоднократно повторяют свое предложение вопреки первоначальному отказу заявителя, настойчиво торопя его, поднимая цену выше средней или апеллируя к состраданию заявителя, говоря о «ломке».

Так, в постановлении по делу «Веселов и другие против России» от 2 октября 2012 г. ЕСПЧ признал нарушение п. 1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в связи

с необеспечением справедливости судебных разбирательств по уголовным делам заявителей, выразившееся в том, что в основу обвинительных приговоров положены доказательства, полученные в результате ОРМ – проверочных закупок, проведенных ненадлежащим образом исключительно на основании непроверенных сведений, полученных от информаторов правоохранительных органов (так называемых тайных агентов).

В частности, ЕСПЧ пришел к выводу, что необходимость проведения соответствующих ОРМ не была надлежащим образом мотивирована и отсутствовали достаточные основания для их применения.

Проверочная закупка в рамках дел заявителей назначена «простым административным решением органа, который позже проводил операцию... и операция не была подвергнута судебному контролю или какому-либо иному независимому надзору». Проведение и результаты ОРМ не были зафиксированы надлежащим образом (видео-, аудиозапись). Суд также принял во внимание, что Х., выступающий в роли покупателя наркотических средств у Веселова при проведении проверочной закупки, и Y., выступающий в роли покупателя наркотических средств у Золотухина, ранее были информаторами полиции.

Кроме того, национальные суды отказались рассмотреть по существу заявление Веселова о провокации, заявление Золотухина и Дружинина (двух других заявителей) также «не получило должного внимания со стороны национальных судов»³.

¹ Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² *Зенкин А. Н., Бондаренко О. В.* Критерии провокации незаконного сбыта наркотиков в решениях Европейского суда по правам человека // *Законность.* 2013. № 9. С. 45–49.

³ Бюллетень Верхов. Суда Рос. Федерации. 2014. № 1.

Д. В. Орлов отмечает, что, по сравнению с прецедентами прошлых лет, постановление «Веселов и другие заявители против Российской Федерации» по своему содержанию имеет иную, прикладную, направленность и учитывает российские традиции и особенности в праве. Такой эмпирический метод позволил выделить в национальном уголовном законодательстве целый ряд взаимосвязанных с провокацией преступления вопросов:

- высокие риски злоупотреблений процедурой привлечения к уголовной ответственности;
- использование при проведении ОРМ одних и тех же частных источников-информаторов;
- отсутствие убедительных обоснований при проведении ОРМ «Проверочная закупка»;
- отсутствие независимого контроля (надзора) при санкционировании отдельных ОРМ, допускающих провокационные риски.

Однако главным из них, буквально следующим из текста анализируемого Постановления, нужно считать именно уголовно-правовой аспект проблемы, заключающийся в «отсутствии системы ответственности» за провокацию преступления¹.

Об уже сформировавшейся практике оценки законности проведения повторных ОРМ констатирует Обзор судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ, утвержденный

¹ Орлов Д. В. Развитие Европейским судом по правам человека судебно-интерпретационной деятельности по вопросу провокации преступления // Рос. юстиция. 2013. № 7. С. 64–65.

Президиумом Верховного Суда РФ от 27 июня 2012 г.²

Положения п. 7.1 Обзора предписывают судам учитывать, что проведение повторного ОРМ, также очередной проверочной закупки у одного и того же лица, должно быть обоснованно и мотивировано, в том числе новыми основаниями и целями, и с обязательным вынесением нового мотивированного постановления, утвержденного руководителем органа, осуществляющего ОРД. Целями повторного ОРМ, а также и проверочной закупки, могут являться пресечение и раскрытие организованной преступной деятельности и установление всех ее соучастников, выявление преступных связей участников незаконного оборота наркотических средств, установление каналов поступления наркотиков, выявление производства при наличии оперативно значимой информации по данным фактам. Кроме того, это могут быть случаи, когда в результате проведенного ОРМ не были достигнуты цели мероприятия (например, сбытчик наркотического средства догадался о проводимом мероприятии).

Примером обоснованного проведения нескольких проверочных закупок в Обзоре указано на приговор Дмитровградского городского суда Ульяновской области от 1 ноября 2010 г., согласно которому Ф., Н., Г. и З. признаны виновными в незаконном сбыте наркотических средств. В рамках ОРД оперативными сотрудниками УФСКН проведено всего три проверочные закупки, причем все в отношении Ф. и Н., однако по их результатам удалось установить не только источник «поставки» наркотика, но и доказать причастность

² URL: www.vsrfr.ru/Show_pdf.php?id=8034 (дата обращения: 17.08.2016).

к незаконному сбыту наркотических средств других лиц. Напротив, суд, установив при рассмотрении уголовного дела отсутствие новых оснований для проведения повторного ОРМ, должен признать доказательства, полученные в результате такого мероприятия, недопустимыми, поскольку согласно положениям ФЗ об ОРД ОРМ должно проводиться с целью выявления и пресечения преступной деятельности.

Несмотря на сформировавшиеся, казалось бы, походы в определении и оценке «границ» провокационно-подстрекательских действий, в судебной практике встречаются ошибки.

Так, приговором Краснодарского краевого суда от 7 июля 2014 г. Ш. осужден по ч. 1 ст. 30, п. «б» ч. 4 ст. 131 и ч. 1, ст. 30, п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ. Он признан виновным в том, что обратился к Т. с просьбой о предоставлении ему девочки в возрасте от 8 до 11 лет для совершения полового акта и иных действий сексуального характера, предложив за это 5 000 рублей, выдвинув обязательное условие, чтобы девочка по своему развитию не достигла половой зрелости. Т., понимая, что Ш. намеревается совершить преступление, обратилась в правоохранительные органы. По результатам рассмотрения сообщения Т. органом, осуществляющим ОРД, принято решение о проведении оперативного эксперимента в целях изобличения Ш. в преступлении против половой неприкосновенности и половой свободы ребенка.

Для оперативного эксперимента была приглашена сотрудник полиции С. (наиболее подходящая на условную роль малолетнего лица), а Т. снабжена звукозаписывающей аппаратурой. В номере гостиницы Ш. вновь в настойчивой форме выразил Т. свое желание вступить

в половую связь с девочкой и обсудил с ней условия и обстоятельства совершения преступления. Получив сообщение от Т., что девочка находится в автомобиле, выйдя на улицу и увидев сидевшую на заднем сиденье автомобиля ранее незнакомую С., которую ему представили как ребенка, Ш. передал Т. в качестве расчета часть обещанной суммы в размере 2 000 рублей. После этого Ш. был задержан сотрудниками полиции.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 21 октября 2014 г. отменила обвинительный приговор и вынесла оправдательный апелляционный приговор.

В обоснование Судебная коллегия указала, что изложенные в (обвинительном) приговоре действия Ш. не могли привести к изнасилованию, а также к совершению насильственных действий сексуального характера не достигшей 14-летнего возраста девочки, что в искусственно созданной ситуации привело к отсутствию по делу надлежащей потерпевшей, а также к невозможности установления прямого умысла Ш. на совершение тех действий, которые по своему содержанию подпадали под признаки п. «б» ч. 4 ст. 131 и п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ.

Отменяя оправдательный приговор, Президиум Верховного Суда РФ обратил внимание на то, что Судебная коллегия оставила без внимания показание Т., из которых усматривается, что после поступившей к ней просьбы Ш. о предоставлении ему малолетней девочки в возрасте 8–11 лет она решила обратиться в правоохранительные органы, где ей было предложено принять участие в следственном эксперименте, на что она дала свое добровольное согласие. Об этом же заявляли свидетель П. и другие свидетели, однако о наличии

таких доказательств в оправдательном апелляционном приговоре умалчивается.

Нельзя согласиться и с утверждением суда апелляционной инстанции о том, что использование сотрудника полиции С. в роли малолетней девочки осуществлено в нарушение требований ст. 5 ФЗ об ОРД и является провокацией.

Как усматривается из материалов уголовного дела, под видом малолетнего лица в оперативном мероприятии принимала участие сотрудник полиции С., которая помещена в салон автомобиля для создания видимости выполнения требования Ш. о доставке по его просьбе малолетнего лица. Увидев в салоне С., представленную ему в качестве ребенка, Ш. передал Т. деньги, после чего и был задержан.

По смыслу ч. 2 ст. 6 ФЗ об ОРД в ходе проведения ОРМ не разрешается применение технических и иных средств, которые могут причинить ущерб жизни и здоровью людей, а также вред окружающей среде.

С учетом изложенного довод в надзорном представлении о невозможности непосредственного участия в данном ОРМ малолетней девочки обоснован.

Нельзя согласиться и с выводами суда о том, что при указанной выше ситуации отсутствие по делу надлежащей потерпевшей привело к невозможности установления прямого умысла.

Из обстоятельств дела следует, что Ш. передал деньги только после того, как убедился, что его заказ выполнен.

Тот факт, что в салоне автомашины находилось другое лицо, вопреки выводам Судебной коллегии, не устраняет общественную опасность деяния, поскольку с субъективной стороны инкриминируемые Ш. действия харак-

теризовались умыслом, направленным на нарушение половой неприкосновенности лица, не достигшего 14-летнего возраста¹.

Обращаясь к уже сделанному ранее выводу, в данной ситуации очевидно, что наличие самостоятельно сформированного умысла Ш. и его собственной инициативы обращения к Т., а также последующие активные целенаправленные действия, включая передачу денег, произведенные в условиях простого предоставления возможности совершить преступление без элементов подстрекательства к нему, провокацию исключают.

Тем самым Судебной коллегией Верховного Суда РФ при постановлении оправдательного апелляционного приговора от 21 октября 2014 г. не учтена уже сформировавшаяся ранее практика по другим делам при схожих обстоятельствах.

Так, приговором Архангельского областного суда от 27 ноября 2012 г. К. и Б. осуждены по ч. 3 ст. 33, ч. 1 ст. 30, п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Они признаны виновными в организации приготовления к убийству по найму, которое не доведено до конца по независящим от их воли обстоятельствам.

В жалобе осужденная Б. просила приговор отменить, указывая, что преступление спровоцировано сотрудниками полиции через свидетеля под псевдонимом П., который на протяжении месяца склонял ее к этому. Утверждала, что отказалась от совершения преступления, однако сотрудник полиции Ш. инсценировал убийство.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 6 февраля 2013 г.

¹ Бюл. Верхов. Суда Рос. Федерации. 2015. № 8.

приговор оставила без изменения, указав следующее.

Из показаний свидетеля П. усматривается, что в феврале 2012 г. к нему обратилась Б. с просьбой помочь совершить убийство соседки, поскольку между ними сложились крайне неприязненные отношения. Поняв, что Б. и ее муж К. имеют серьезные намерения, он сообщил об этом в полицию. По просьбе сотрудников правоохранительных органов П. встретился с Б. и ее мужем К., и Б. пояснила, что ее муж в курсе дела, знает о характере их встречи, и они оба желают, чтобы их соседка была убита до 1 мая 2012 года. Действуя по инструкции сотрудников полиции, П. согласился помочь в организации убийства, сообщив Б., что ей позвонит Ш., с которым можно будет решать эти вопросы.

Из показаний свидетеля Ш., который выступал в качестве исполнителя преступления по поручению сотрудников полиции, следует, что 11 мая 2012 г. он созвонился с Б. и договорился о встрече. Они встретились в кафе, где Б. просила быстрее решить вопрос с убийством соседки, скрыть труп дальше от дома, чтобы не заподозрили в убийстве ее мужа. Сообщила, что деньги за убийство в сумме 100 000 рублей у нее есть, но передаст их исполнителю только после предъявления доказательств убийства, дав задаток 5 000 рублей. 15 мая 2012 г., заранее созвонившись и сообщив о выполнении заказа, Ш. встретился с Б., которая, удостоверившись, что на фотографиях именно та женщина, убийство которой она заказывала, передала Ш. конверт с деньгами.

Изложенные доказательства согласуются со сведениями, добытыми в ходе ОРМ, которые проведены в рамках ФЗ об ОРД, а полученные результаты пере-

даны следователю и приобщены к делу в качестве доказательств в соответствии с требованиями УПК РФ.

Доводы в жалобе осужденной о провокации со стороны сотрудников правоохранительных органов, об отказе Б. от совершения преступления проверены судом и обоснованно признаны несостоятельными.

При этом принято во внимание, что умысел осужденных на совершение преступления сформировался еще до проведения в отношении них ОРМ, т. е. независимо от деятельности сотрудников правоохранительных органов. Как следует из совокупности приведенных в приговоре доказательств, инициатива совершения преступления исходила от осужденных, Б. настойчиво требовала исполнения преступления и деньги платила только после того, как убедилась, что лишено жизни именно то лицо, убийство которого она заказывала¹.

На основании вышеизложенного мы пришли к следующим выводам.

1. Провокация преступления есть само преступление, влекущее уголовную ответственность. В УК РФ криминализованы только два случая ответственности за провокацию в ст. 304 и 360 УК РФ.

Провокация исключается в случае простого предоставления возможности совершить преступление, без элементов подстрекательства к нему, когда инициатива совершения противоправного деяния исходит от привлекаемого к ответственности лица.

Невозможна провокация и в ситуации, когда до вмешательства сотрудников правоохранительных органов преступление уже совершено (совершается) или подготовлено.

¹ Бюл. Верхов. Суда Рос. Федерации. 2013. № 8.

2. От провокации следует отличать и провокационно-подстрекательские действия, которые сами по себе не являются преступлением, поскольку формально совершаются в рамках закона, однако их установление влечет освобождение лица от уголовной ответственности ввиду фундаментального нарушения положений ст. 5–8 ФЗ об ОРД.

В связи с этим ОРМ, направленное на выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступления, а также установление виновного лица может проводиться только при наличии у органа, осуществляющего ОРД, сведений об участии лица, в отношении которого осуществляется такое мероприятие, в подготовке или совершении противоправного деяния.

3. Результаты ОРМ могут использоваться в доказывании по уголовному

делу, если они получены и переданы органу предварительного расследования или суду в соответствии с требованиями закона и свидетельствуют о наличии у лица преступного умысла, сформировавшегося независимо от деятельности сотрудников органов, осуществляющих ОРД.

4. Любые доводы о провокации подлежат тщательной проверке в судебном заседании с приведением соответствующей мотивировки в приговоре. Признание лицом вины в отношении инкриминируемых ему деяний не освобождает суд от обязанности исследовать доводы о провокации, поскольку признание в преступлении, совершенном в результате провокации, не устраняет ни провокацию, ни ее возможные последствия.

Библиографический список

1. Бондаренко О. В. Критерии провокации незаконного оборота наркотиков в решениях Европейского суда по правам человека / О. В. Бондаренко, А. Н. Зинкин // Законность. – 2003. – № 9. – С. 45–49.
2. Борков В. Квалификация провокационно-подстрекательских действий сотрудников правоохранительных органов / В. Борков // Уголов. право. – 2015. – № 1. – С. 16–21.
3. Волженкин Б. В. Допустима ли провокация как метод борьбы с коррупцией / Б. В. Волженкин // Рос. юстиция. – 2001. – № 5. – С. 43–45.
4. Орлов Д. В. Развитие Европейским судом по правам человека судебно-интерпретационной деятельности по вопросу провокации преступности / Д. В. Орлов // Рос. юстиция. – 2013. – № 7. – С. 64–65.

References

1. Bondarenko O. V., Zenkin A. N. Criteria provocations of illegal drug trafficking in the decisions of the European court of human rights. *Zakonnost'*. 2013. No. 9. P. 45–49.
2. Borkov V. Qualification provocative and inflammatory actions of law enforcement officer. *Ugolovnoe Pravo*. 2015. No. 1. P. 16–21.
3. Volzhenkin B. V. Is it permissible provocation as a method of struggle against corruption. *Rossijskaja Yusticija*. 2001. No. 5. P. 43–45.
4. Orlov D. V. The development of the European court of human rights judicial interpretation in relation to provocation of crime. *Rossijskaja Yusticija*. 2013. No. 7. P. 64–65.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Авдеев Данила Алексеевич, Avdeev Danila A.,
студент 1-го курса a Student of 1 st year
Юридического института of Law Institute
им. М. М. Сперанского ВлГУ named after M. M. Speransky of VISU
e-mail: danilavdeev@yandex.ru

Головкин Роман Борисович, Golovkin Roman B.,
заместитель начальника Deputy Chief
Владимирского юридического института of Vladimir Law Institute
Федеральной службы of the FPS of Russia on Scientific work
исполнения наказаний Doctor of Law, Professor
по научной работе
доктор юридических наук, профессор
e-mail: golovkinrombor@mail.ru

Иванова Жанна Борисовна, Ivanova Zhanna B.,
доцент кафедры Associate Professor
гражданского права и процесса of Civil Law and Procedure
Коми республиканской академии of Komi Republican Academy
государственной службы of Public Service and Management
и управления PhD (Law)
e-mail: doc@krag.ru

Кабанова Оксана Викторовна, Kabanova Oksana V.,
доцент кафедры Assistant Professor
государственного права of State Law and Management
и управления таможенной деятельности of Customs Activities of Law Institute
Юридического института named after M. M. Speransky VISU
им. М.М. Сперанского ВлГУ PhD (Law)
кандидат юридических наук
e-mail: kimp.kafedra@mail.ru

Кисляков Антон Валерьевич, Kislyakov Anton V.,
заведующий экспертно-лабораторным Head of Expert-laboratory
комплексом Юридического института Complex of Law Institute
им. М. М. Сперанского ВлГУ, named after M. M. Speransky VISU
кандидат юридических наук PhD (Law)
e-mail: Antonval77@mail.ru

Овчинникова Юлия Владимировна Ovchinnikova Yulia V.,
старший преподаватель Lecturer
кафедры государственного права of State Law and Management
и управления таможенной деятельностью of Customs Activities of Department
Юридического института Law Institute
им. М. М. Сперанского ВлГУ named after M. M. Speransky VISU
e-mail: y.v.ovchinnikova@mail.ru

Павлова Наталья Евгеньевна, Pavlova Natal'ya E.,
магистрант Юридического института Master student
им. М. М. Сперанского ВлГУ of Law Institute
ведущий специалист – эксперт отдела named after M. M. Speransky of VISU,
работы с налогоплательщиками specialist-expert of the Department
УФНС по Владимирской области Work with Taxpayers Administration
e-mail: ufns33@rambler.ru of the Federal Tax Service
for the Vladimir Region

Пичугин Сергей Андреевич, Pichugin Sergej A.,
старший преподаватель Senior Lecturer
кафедры уголовного права и криминологии of Criminal Law and Criminology Department
ВЮИ ФСИН России of VLI of the FPS of Russia
кандидат юридических наук PhD (Law)
e-mail: vui@vui.vladinfo.ru

Ромазанова Юлия Юнировна Romazanova Yuliya Yu.,
аспирант кафедры государственного Post-graduate Student
и административного права of State and Administrative Law Department
Мордовского государственного of Mordovia State University
университета имени Н. П. Огарёва named after N. P. Ogaryova
e-mail: ramzas87@mail.ru

Тараканов Илья Александрович, Tarakanov I'lya A.,
доцент кафедры уголовного права Assistant Professor
и криминологии ВЮИ ФСИН России of Criminal Law and Criminology Department
кандидат юридических наук of VLI of the FPS of Russia
e-mail: vui@vui.vladinfo.ru PhD (Law)

Удалов Максим Игоревич, Udalov Maxim I.,
заведующий кабинетом криминалистики Head of the Criminalistics Cabinet
экспертно-лабораторного комплекса of the Expert-laboratory Complex
Юридического института of Law Institute
им. М. М. Сперанского ВлГУ named after M. M. Speransky of VISU
e-mail: vika.ud@mail.ru

Урлеков Николай Викторович, Urlekov Nikolay V.,
судья Ленинского районного суда Judge of the Leninsky District Court City
г. Владимира, of the city of Vladimir,
доцент базовой кафедры Assistant professor
судебной деятельности of Judicial Activity Basic Department
Юридического института of Law Institute
им. М. М. Сперанского ВлГУ named after M. M. Speransky VISU
кандидат юридических наук PhD (Law)
e-mail: leninsky.wld@sudrf.ru

- Филимонова Анастасия Игоревна, Filimonova Anastasiya I.,**
доцент кафедры теории и истории государства и права
Юридического института им. М. М. Сперанского ВлГУ
кандидат юридических наук
e-mail: danilavdeev@yandex.ru
Assistant Professor of Theory and History of State and Law Department of the Law Institute named after M. M. Speransky VISU
PhD (Law)
- Фомина Татьяна Александровна, Fomina Tat'yana A.,**
старший преподаватель кафедры финансового права и таможенной деятельности
Юридического института им. М. М. Сперанского ВлГУ
e-mail: syama33@mail.ru
Lecturer of Financial Law and Customs Activity Department of Law Institute named after M. M. Speransky of VISU
- Якушев Павел Алексеевич, Yakushev Pavel A.,**
судья Владимирского областного суда,
доцент кафедры судебной деятельности
Юридического института им. М. М. Сперанского ВлГУ
кандидат юридических наук
e-mail: Yakushev.PA@yandex.ru
Judge of the Vladimir Regional Court, Assistant Professor of Judicial Work Department Law Institute named after M. M. Speransky VISU

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ И ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Материалы могут быть представлены в редакционную коллегию лично, по почте (600005, г. Владимир, ул. Студенческая, д. 8, каб. 203) или по электронной почте vestnikvlg.u.pravo@mail.ru.

Автор представляет в редакцию:

- подписанную рукопись, выполненную в соответствии с правилами оформления рукописи;
- электронный вариант рукописи;
- сведения об авторе;
- согласие на обработку персональных данных;
- автор, не имеющий ученой степени доктора наук, представляет рецензию, подписанную доктором наук.

1. Рукопись предоставляется в отпечатанном на бумаге формата А4 (210x297 мм) виде с приложением электронного варианта в формате MS WORD на электронном носителе (CD).

2. Рукопись должна быть оформлена в строгом соответствии с требованиями ГОСТ 7.89–2005 «Оригиналы текстовые, авторские и издательские. Общие технические требования» и ГОСТ Р 7.0.7–2009. «Статьи в журналах и сборниках. Правила оформления».

3. Комплектность рукописи:

- 1) Код УДК;
- 2) сведения об авторе (фамилия, имя, отчество, название организации – места работы, должность (полностью), ученая степень, ученое звание (при наличии)) (на русском и английском языках);
- 3) название статьи (на русском и английском языках);
- 4) ключевые слова (на русском и английском языках);
- 5) аннотация рукописи (на русском и английском языках);
- 6) основной текст (на русском языке);
- 7) библиографический список (оформляется по ГОСТ Р 7.1 – 2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления») (на русском и английском языках).

4. Авторский оригинал должен быть подписан автором (авторским коллективом) на титуле (подпись свидетельствует о том, что именно этот вариант прочитан автором и считается единственно верным) и пронумерован без пропусков страниц, включая рисунки, приложения и т. д.

5. Требования к набору текста на компьютере:

- основной текст – кегль 14-й, дополнительный – не ниже 12-го;
- рукопись представляется в одном экземпляре, отпечатанном на одной стороне писчей бумаги белого цвета формата А4;
- интервал между строками – полуторный;
- гарнитура шрифта Times New Roman;
- набор осуществляется в программе MS WORD или ее аналоге.

6. Оттиск шрифта черный, четкий (не допускается использование режима экономии тонера).

Абзацный отступ – 1,25 см.

Поля: верхнее, нижнее, левое и правое – 2,5 см.

Заголовки и подзаголовки печатаются прописными и строчными буквами (без подчеркивания и выделений в разрядку), отделяются от текста сверху и снизу одним интервалом.

Сноски должны быть постраничными, напечатаны через один интервал, пронумерованы и отделены от основного текста горизонтальной чертой.

7. Формулы. Высота букв формул должна соответствовать высоте кегля основного текста. Латинские буквы набираются курсивом (с наклоном), русские, греческие – прямым шрифтом. Между формулой и текстом должен быть обычный межстрочный интервал. Индексы набираются 12-м кеглем.

8. Таблицы. Текст таблиц набирается 12-м кеглем и распределяется равномерно по всему полю графы так, чтобы он не выходил за ограничивающие ее линии. Боковик таблицы должен быть отпечатан с соблюдением соподчиненности строк.

Числа (как в основном тексте, так и в тексте таблиц), имеющие более четырех знаков, должны подразделяться на разряды (по три цифры в каждом) с интервалом в один знак, за исключением чисел, обозначающих номера и даты.

Примечания и сноски к таблице должны быть напечатаны непосредственно под ней и обозначены звездочками.

9. Приводимый в рукописи фактический материал: описание событий, даты, статистические данные, собственные имена, термины, выдержки из нормативных актов и т. п., – автор (авторский коллектив) обязан выверить по официальным источникам. При обращении к нормативному акту необходимо указать его название, вид (закон, указ, постановление и т. д.), наименование органа государственной власти, его издавшего, дату подписания и номер. Загромождение текста большим количеством цитат не допускается.

10. Ссылки на работы, используемые автором, должны быть оформлены в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5– 2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления» и не должны превышать 1/3 текстового материала, содержащегося на данной странице.

11. Образцы оформления ссылок и пристатейных списков литературы см.: http://elibrary.ru/projects/events/conf_vak_rinc/icons/Regl.pdf